

СМЕНА

12 2006

о времени

Михаил
Боярский

Гоша
Куценко

Тонино
Гуэрра

Валерия

Виктория
Токарева

Лев
Аннинский

Сальваторе
Адамо

Патриция Мойес

Идеальное
убийство

1

Квартира была небольшая, но зато почти всегда освещенная солнцем. Из окна открывался чарующий вид на Женевское озеро и синеющие вдаль горы. В соседней комнате, представляющей из себя миниатюрный офис, на белоснежном столе зазвонил телефон.

Плотный, коренастый мужчина с загорелым лицом тотчас же взял трубку и резко произнес:

– Доктор Дюваль слушает. – Через секунду его южно-французский акцент немного смягчился. – А, это ты, Пьер! Рад тебя слышать, дружище... Да, только вчера вернулся... Что? Ответ? Ну, а как ты думаешь? Естественно – «нет»... Да, очень вежливый отказ... Ты же знаешь... институт интересуется тематикой, но у них нет денег на исследования... Нет-нет, я вовсе не подавлен. Я уже давно к этому привык. Конечно, Пьер, всегда есть множество способов добыть деньги. Можно, например, выклянчить у кого-нибудь, можно занять, или, в конце концов, украсть. Вот-вот, и самому финансировать свои научные проекты... Мечтать не вредно, правда, Пьер? Да... Очень любезно с твоей стороны, Пьер... Когда? В субботу? Это... – Мужчина покосился на большой цветной календарь, висевший на стене. – Это будет пятнадцатое, правильно? Мы с удовольствием к вам приедем... около восьми часов... Прекрасно! Я только спрошу у жены... Она сейчас в магазине. Я тебе перезвоню... Привет Симоне.

Не успел доктор Дюваль положить трубку, как раздался звук открываемой двери.

– Это ты, дорогая? – крикнул он.

– Ну, конечно, я. Что за глупый вопрос, Эдуард!

С пакетами под мышкой Примроуз Дюваль вошла в холл. Ей было лет сорок. Тоненькая, стройная блондинка. Вне всяких сомнений – истинная англичанка. Юбка «миди», жакет, нитка жемчуга на шее – весь вид скромной и застенчивой особы говорил о том, что это облачко женского обаяния не в состоянии обидеть даже воробья. Однако столь безобидная внешность была обманчива, как давно уже понял ее муж. Характер Примроуз соединял в себе твердость алмаза и гибкость стали. Как тростинка, она могла гнуться, но не ломаться.

– Пьер звонил, – сообщил Дюваль.

– Что он хотел?

– Интересовался результатами моей поездки в Париж. Пришлось его расстроить. Ах, да! Он и Симона приглашают нас на ужин. В субботу. Я сказал, что мы придем.

– О, Господи! Честное слово, Эдуард, иногда ты меня страшно раздражаешь.

– Что еще я сделал не так?

Примроуз скрупулезно изучала каждую черточку своего лица в большом зеркале. Она слегка провела длинными нежными пальчиками по белокурым волосам.

– Кажется, мне снова требуется хороший полноценный отдых. Пару недель в Лозанне. А значит, еще пару сотен из нашего бюджета... Ты ведь прекрасно знаешь, что мы не можем поехать к Пьеру! И именно в субботу!

– Почему?!

Примроуз внимательно посмотрела на мужа и произнесла медленно, будто обращаясь к глупому непослушному ребенку:

– Потому что в субботу будет пятнадцатое число. День рождения мамы. Пятнадцатого нам надо быть в Англии.

– Почему, черт возьми, мы обязаны каждый год принимать участие в этом спектакле? Я не понимаю.

– Ну, пожалуйста, Эдуард. Ведь все было нормально до сих пор. Пойми, это – семейная традиция. Мы не можем противиться и нарушать ее.

– У меня – море дел на следующей неделе. Да и сейчас работы – выше головы. Ты не хочешь съездить в Англию одна? Отвезешь этот проклятый торт, который твоя обожаемая мамочка любит больше всего на свете и, уж, конечно, больше, чем своих детей.

– Не придуривайся, Эдуард. Я позвоню Симоне и скажу, чтобы они ужинали без нас.

– Чем скорее твоя мать сдохнет, тем лучше будет для всех! – выкрикнул, не выдержав, Эдуард.

– Она – здоровая, как лошадь. Поэтому на столь простое решение вопроса лучше не рассчитывать, – с небрежной ухмылкой бросила жена. И добавила уже совершенно другим тоном: – Ведь ты же знаешь, я действительно ее очень люблю.

– Врунья! – живо отреагировал Дюваль, к которому явно вернулось шутивное расположение духа. – Ты же ее ненавидишь. Мамочка основательно попортила тебе кровь! Заставь тебя видеть ее чаще, чем раз в год, – и ты сама прыгнешь в могилу. Неужели все забыла? Вспомни, что случилось, когда твоя мать приезжала к нам в гости.

Примроуз, глядя в зеркало, улыбнулась мужу.

– Лучше я позвоню Боне и попрошу его испечь любимый мамин тортик.

Доктор Дюваль встретился с ней взглядом в зеркале и тоже улыбнулся. Они всегда прекрасно понимали друг друга.

Маленький, словно кукольный, домик почти полностью занимал площадь крошечного островка, на котором он и стоял. Раскинувшаяся вокруг сеть каналов придавала этой живописной местности в Южной Голландии вид сказочного архипелага. За домом имелся клочок земли, разбитый на аккуратные грядки. Оттуда был перекинут подъемный мост на соседний островок, целиком превращенный в одну громадную теплицу и сверкавший большими ромбами стекол, как фантастический кристалл.

Городок Альсmeer славился тем, что все его обитатели дружно, как один, выращивали цветы. Вот и здесь, на газоне, виднелась табличка, «скромно» указывающая, что в доме проживает: «Питер ван дер Ховен, знаменитый поставщик лучших в мире цветов». То, что Питер ван дер Ховен выращивает исключительно розы, было и так очевидно.

Сам хозяин стоял в теплице, инспектируя ровные шеренги алеющих кустов. Розы были идеальными по высоте и по форме и салютовали своему «полководцу» торжественно, как на параде. И наоборот, к Питеру совсем не подходили эпитеты «ровный» и «аккуратный». Грузный, неуклюжий, с копной огненно-рыжих волос, непослушная прядь непрерывно падала на широкий лоб и норовила закрыть честные голубые глаза.

Его жена как раз шла по мостику, соединяющему оба островка. Глядя на своего мужа, Вайолет думала, что он похож скорее всего на лохматого лабрадорского пса. Трогательное сравнение, конечно, но даже самый любимый пес частенько раздражает одним своим при-

сутствием. Не говоря уже о том, что «пес» просто несносен, когда начинает бросаться на вас всеми лапами и норовит лизнуть прямо в губы. Вайолет ван дер Ховен была элегантной брюнеткой с точеными ручками и ножками. Возраст? Глупое слово! В тридцать восемь еще легко ощущать себя юной и неопытной девчонкой, готовой в любую минуту «пошалить». Но те же тридцать восемь – это проблема, если муж на шесть лет моложе. Когда Вайолет выходила замуж за Пита, ее сестра ломала руки в отчаянии: такая разница казалась ей чудовищной и грозящей катастрофой. Примроуз, однако, ошиблась. Несмотря на мрачные предсказания, они были женаты вот уже восемь лет, и, по всей видимости, Пит обожал свою жену больше, чем когда-либо.

Вот и сейчас, услышав ее легкие шаги, он повернул голову и счастливо улыбнулся.

– Любимая, что ты здесь делаешь? Пора обедать? Я опять опоздал!

– Все в порядке, милый. Еще нет двенадцати.

– Ты чудесно выглядишь, – сказал Пит, отбрасывая со лба рыжую прядь. – Новое платье?

– Это? – Вайолет рассмеялась горьким смехом. – Ну, и память у тебя! Я купила его два года назад в дешевом магазине, за двадцать пять гильденов.

– Оно тебе очень идет...

– Я получила письмо от Даффи, – прервала она его, поглаживая лепестки розы своими изящными пальчиками.

– Да? – безучастно проговорил Пит, возвращаясь к работе. – И что же она пишет?

– Только то, что Париж – замечательный город. Даффи обновляет там свой гардероб перед тем, как они с Чарли вернутся в Штаты. Она без ума от коллекции Кардена.

Пит лукаво выглянул из-за куста и понимающе подмигнул.

– Тонкий намек, дорогая? К сожалению, даже с лучшими цветами в мире трудновато скототить состояние. Чтобы покупать платья «от Кардена», тебе следовало, по примеру твоей сестры, выйти замуж за американского миллионера.

«Возможно, я еще так и сделаю», – подумала про себя Вайолет, а вслух весело произнесла:

– Надеюсь, ты не забыл выбрать самые роскошные розы на мамин день рождения?

– Моя прелесть, разве я когда-нибудь тебя подводил? Смотри – на этой грядке – две дюжины лучших роз, специально выращенных для твоей матери. Я срежу их в пятницу вечером, перед отъездом.

– Ах! Я бы вообще никуда не ездила. Эти ежегодные собрания, по-моему, несусветная чушь и глупость.

– Тебе так кажется, потому что ты – англичанка. Здесь, в Голландии, мы уважаем дни рождения.

– Ради Бога, перестань! Сидеть с приклеенными улыбками целый день за столом, поддерживать светскую беседу, а, иными словами, нести жуткий вздор, пока сотни знакомых – и незнакомых! – пожирают все, что ни есть в доме, и затем испаряются, оставляя дешевые безделушки... О, нет!

– По крайней мере, – парировал Пит с неизменным чувством юмора, – у твоей мамы все совершенно по-другому.

– Надеюсь, что хоть в этом году у нее хватит ума не приглашать своих подруг. Смотреть на их допотопные сережки, подвески и платья с рюшечками – просто невыносимо!

– Странно, – съязвил Пит. – А мне ее подружки всегда казались очаровательными.

– Хочешь быть добрым? – усмеянулась Вайолет. – Душить таких добрячков надо. Заканчивай здесь, а я пойду приготовлю ланч.

Даффи Швахеймер крутилась перед зеркалом в номере безумно дорогого отеля и откровенно любовалась своим отражением. Рядом, на кресле, лежала гора еще не распечатанных, соблазнительно блестящих пакетов с этикетками самых известных фирм и магазинов.

Примерив новое платье, Даффи довольно улыбнулась. Она не обнаружила изъянов ни в платье, ни в своей фигуре. Даффи – всего тридцать три года, у нее – роскошная грудь и осиная талия, в меру полные стройные бедра, длинные, как у манекенщицы, ноги. Пять лет назад она и работала манекенщицей. Один из показов моды проходил в Соединенных Штатах. Там, в Нью-Йорке, Даффи встретила, как говорят, свою судьбу. Чарльз Швахеймер присутствовал на вечеринке, устроенной после шоу, и они познакомились, почти случайно.

– Обласкай его, – посоветовали подруги. – Миллионер. Король кухонных раковин, ну, и прочей сантехники...

Даффи критически осмотрела миллионера с ног до головы и дала ему лет шестьдесят. С «хвостиком». У Чарльза была представительная внешность. Сухая, спортивная фигура, красивые, хоть и седые, волосы, мужественное лицо. Трудно, конечно, разглядеть человека сквозь колдовской туман его богатства. В глаза бросался прежде всего безукоризненный костюм и, конечно, окружавшее его золото: золотые запонки, золотой зажим для галстука, золотая зажигалка, золотые часы, золотые зубы.

Даффи прямо спросила:

– Вы, кажется, делаете унитазаы?

Чак удивился. Как правило, на светских приемах никто не говорил с ним о происхождении его миллионов.

– Э-э, да, так оно и есть, – ответил он. – Это – мой бизнес.

– Значит, у нас с вами много общего, – радостно сообщила Даффи. – Мой прадедушка изобрел первый в мире унитаза.

– Не может быть! – воскликнул умиленно Чак. – А мой дед первым запатентовал V-образный стояк для раковин. Скажите, мисс...

– Гудверт. Даффи Гудверт.

– Милая Даффи, если вы не заняты сегодня вечером, может, поужинаем где-нибудь вместе, в каком-нибудь уютном ресторанчике?

Полгода спустя Чарльз развелся со своей третьей женой, и Даффи стала четвертой. Наконец-то, с пафосом говорил Чак многочисленным друзьям, наконец-то, он нашел женщину, которая знает толк в его работе. Сидя с Даффи на диване, он мог теперь часами рассказывать о специальных клапанах, муфтах и фильтрах для очистки от грязи и жира. Частенько он сокрушался, что отец Даффи не дожил до этих светлых дней, и они не могут вместе разработать новый бачок или сливную систему. Даффи поддакивала и соглашалась, грустно опускающая ресницы.

Примроуз, конечно, возмущалась и была против их брака, называя поступок сестры «отвратительным». Вайолет тихо завидовала. Единственное удовлетворение ей доставляли теперь откровенно-томные взгляды, которые Даффи бросала на Пита во время своих редких визитов в их «цветочный рай». Сам же Пит, как это бывает с мужчинами, не замечал, что является объектом неумного вожделения. Он искренне восхищался успехами Чарльза, а к Даффи относился снисходительно. Пит видел в ней лишь красивую избалованную куклу, не способную вести домашнее хозяйство – серьезнейший недостаток в глазах такого практичного человека...

Даффи разгладила невидимую складку на платье и вышла в гостиную. Чак сидел в глубоком кожаном кресле и читал «Нью-Йорк Таймс».

– Нравится? – спросила Даффи.

– Что? – оторвался он от газеты. – Ах, платье! Да, конечно. По-моему, оно очень м-мм... э-э... очень модное!

– Ты разве не замечаешь, что чего-то не хватает?

– О! Право...

– Такое платье обычно носят с большой изумрудной брошью. Вот здесь, на груди.

– А где же брошь? Было бы очень красиво.

– К сожалению, сладкий мой, я оставила свои драгоценности дома.
 – Неужели нельзя купить брошь в Европе? Что-то я тебя не пойму! Магазин «Картье», кажется, на соседней улице. Позвони им, и пусть они доставят то, что тебе нужно, прямо сюда.

– Какой же ты догадливый, милый! – Даффи наклонилась, чтобы прижать на секунду к своей пышной груди седую голову мужа. Потом продолжила, лукаво улыбаясь: – Я так и сделаю. Хочу выглядеть сегодня вечером на миллион долларов.

– А что будет сегодня вечером?

– Ты забыл, что заказал столик в ресторане? Мы ужинаем с Уорреном.

– Извини, дорогая! – Чак опустил газету. – Уоррен позвонил и сообщил, что срочно улетает в Милан. Неувязки с поставками. Разумеется, он сожалеет о неудавшемся вечере и шлет наилучшие пожелания своей прекрасной маме.

– То есть мне! – Она оскорбленно пожала голыми плечами. – Ну, что ж...

– Между нами, Даффи, – кашлянул Чак, – я вовсе не уверен, что он полетел в Милан. Развлекается сейчас, наверное, с какой-нибудь блондинкой в латинском квартале. Или брюнеткой. Впрочем... – Он пожевал губами, будто что-то подсчитывал в уме, и снова уткнулся в газету.

– В любом случае, совершенно беспардонно с его стороны, – заметила Даффи. – Так испортить мне настроение! Что будем делать?

– Делать? Э-э... я полагал, что мы просто слегка перекусим в отеле. У меня много работы, милая.

– Ну, и скука! Я поужинаю с Кэти Прествезер, если ты не возражаешь.

– Кэти Пре... Пру... Кто?

– Прествезер. Ты знаешь. Мне представили ее здесь, в Париже.

Даффи подошла к телефону, подняла трубку и властным голосом проговорила:

– Дайте мне «Картье», пожалуйста. Хорошо... Пусть позвонят в номер. – Она повернулась к мужу. – Между прочим, Чак, ты не забыл заказать шампанское на мамин день рождения?

– Спасибо, что напомнила. Завтра я займусь этим лично. Ящик отборного шампанского будет ждать нас в Дувре.

Три часа спустя Даффи – в новом платье «от Кардена» и с громадной изумрудной брошью «от Картье» – вышла из такси у дверей ресторана «Максим». В зале метрдотель бросился к ней навстречу.

– У нас заказан столик на сегодняшней вечер, – сказала она и уточнила: – На имя мистера Уоррена.

– Да, конечно, мадам. Мистер Уоррен ждет вас, мадам. Прошу вас, мадам.

Тридцатилетний Уоррен, сын Чарльза от первого брака, заведовал парижским отделением фирмы отца. Выражение «красавец-мужчина», пожалуй, тут слабовато. «Ошеломительная красота» подходит больше, если учесть долю мексиканской крови, доставшейся Уоррену от его матери – танцовщицы и кинозвезды. Он вежливо встал, когда Даффи приблизилась, и произнес, учтиво склонив голову:

– Очень рад вас видеть, миссис. Жаль, что мой отец не смог прийти.

– У Чарльза много работы, – ответила Даффи серьезно. – Ему так и не удалось отдохнуть в Европе. Дела.

– Дела! Я понимаю.

Метрдотель ушел, а Уоррен раскрыл меню и, ловко прикрываясь им, взял Даффи за руку.

– Трудно было ускользнуть, дорогая? – нежно спросил он.

– Пустяки! – улыбнулась она.

– Он не подозревает?

– У него мозги работают в другом направлении.

– Когда я увижу тебя снова?

Даффи рассмеялась.

– Милый, мы же только встретились!

– Я знаю, любимая, но время бежит так быстро. Сколько еще пробудешь в Париже?

– В пятницу вечером мы уезжаем.

– Я надеялся хоть на две недели.

– Исключено. В субботу – мамин день рождения. Нам надо быть в Англии.

Уоррен сразу помрачнел.

– Ах, да! «Мамин день рождения»! Его нельзя пропустить.

Они обменялись понимающими взглядами. Большие синие глаза Даффи смотрели, почти не мигая.

– Конечно, милый, – ответила она. – И я не пропущу.

– Послушай, – протянул задумчиво Уоррен. – У меня есть одна идея...

Заказаны два билета на самолет из Женевы, «роллс-ройс» из Парижа и две каюты «люкс» на ночном теплоходе из Голландии. Упакованы шесть чемоданов, две дюжины роз «бак-кара» и ящик коллекционного шампанского. Все имеет пунктом назначения известный, знаменитый даже когда-то адрес – виллу «След лисы», расположенную в местечке Пламли-Грин в графстве Суррей.

2

– Вы хотели меня видеть, сэр? – спросил детектив Генри Тиббет, входя в кабинет шефа.

Он закрыл за собой дверь и встал в почтительном ожидании. Тиббет старался поддерживать хорошие отношения с высшим начальством в Скотланд-Ярде. Он мог только догадываться о причинах неожиданного вызова «на ковер», ведь в последнее время за ним не числились серьезные просчеты. В лучшем случае, намечались какие-нибудь перестановки в штатном расписании. В худшем – это могло быть что угодно.

«Ничего, сейчас все узнаю», – подумал Генри. Тем и славился его шеф, что отличался прямоотой характера и никогда не путался в трех соснах.

– А-а, это вы, Тиббет... Присаживайтесь, старина.

Генри сел. Начальник достал платок и тщательно протер стекла очков.

– Как освоились на новом месте? Хорошее помещение?

– Отличное, сэр. Все в полном восторге.

– Ну, ладно-ладно... Сигарету? Не возражаете, если я закурю трубку?

С растущим удивлением Генри взял предложенную сигарету. Вся эта увертюра была крайне необычна.

Шеф намеренно медленно раскурил трубку, попыхтел, пуская кольца дыма, и спросил:

– Как здоровье вашей жены? Надеюсь, все в порядке?

– Эмми чувствует себя прекрасно, спасибо, сэр.

– Э-э... Тут такое дело, Тиббет... – И шеф скрылся в облаке дыма. – Я вот думаю... Вы свободны в этот уик-энд?

– Сэр, если требуется поработать – я всегда готов.

– А жена?

– Сэр? – удивился Тиббет.

– Вы оба приглашены.

– Приглашены?

– Да. Кристал, – тут шеф закашлялся, – я хотел сказать, леди Балаклава, будет счастлива видеть вас среди своих гостей на приеме, который состоится в субботу в Пламли-Грин.

Генри промолчал, потому что ему нечего было сказать. Имя Кристал Балаклавы напом-

нило ему о чем-то очень далеко, вызвав почему-то четко направленные ассоциации: яркие дорогие журналы, фотографии светских красавиц... Только... Только все это было необычайно давно! Леди Балаклава... Такое экзотическое имя даже при желании трудно забыть. И Генри вспомнил. Когда-то она была звездой, блистала на приемах... Сколько же ей теперь? По меньшей мере, семьдесят! Что за черт...

– Наверное, мое предложение кажется вам очень странным, – не выдержал затянувшегося молчания шеф, слегка краснея под вопросительным взглядом Генри. – Вряд ли вы когда-нибудь встречали леди Балаклаву.

– Нет, сэр.

– Она лично позвонила в Скотланд-Ярд и... попросила защиты.

Наконец, Генри позволил себе немного расслабиться. Картина прояснялась.

– Но в таком случае, сэр, можно запросто поручить это дело местной полиции. Они либо дадут ей охрану, либо нет. Вот и все. А чего она, собственно, боится?

На лице шефа появилась кислая гримаса.

– Запутанная история нам досталась, Тиббет. В двух словах – леди Балаклава опасается за свою жизнь. Она считает, что кто-то хочет ее убить.

– Ну и ну! Что навело ее на такие мрачные мысли?

– В том-то и дело. Она не хочет говорить. Видимых причин, похоже, действительно не существует. Хотя можно объяснить и так – она – вдова, живет в громадном доме почти одна, не считая компаньонки, но...

– Если вы позволите, сэр, я замечу...

– Подождите, Тиббет, – шеф остановил его движением руки, – давайте я закончу. Ситуация – экстраординарная. Вам ясно?

– Да, сэр.

– Есть один момент. Вы совсем не знаете, кто такая леди Балаклава.

– Я пытался вспомнить, сэр. Кажется, я встречал ее имя в журналах много лет назад.

– Правильно. Леди Балаклава, или Кристал Малтреверс, дочь сэра Джайлза Малтреверса, засверкала в двадцатых годах как звезда первой величины. Вы ее не помните, потому что вас тогда еще не было на свете. Да и меня тоже. Вот мой отец... Впрочем, это неважно. Затем Кристал вышла замуж за Чарли Гудверта, сказочно богатого человека, торговца всякой кухонной утварью. По сравнению с Кристал он был уже старик. А вскоре Гудверт раздобыл себе титул и стал именоваться бароном Балаклава. Все это было в тридцатых годах. Кристал уговорила его тогда купить громадный дом в Лондоне, почти такой же большой, как их загородное поместье в графстве Суррей. Они... хм, точнее сказать, она закатывала такие вечеринки! Мой отец иногда брал меня с собой, когда его приглашали. Барона, конечно, я так ни разу и не видел. А во время войны он погиб. При одной из бомбежек Лондона бомба угодила прямо в его дом.

Кристал переехала за город – в Пламли-Грин. После войны она хотела вернуться к веселой жизни и пирушкам, но времена изменились. Разудалые компании больше не собирались. Кто умер, кто уехал за границу, а кто сменил имидж и стал более э-э...

– Респектабельным? – улыбнулся Генри.

– Я хотел сказать, ответственным, – хмыкнул в ответ начальник. – Впрочем, это – почти одно и то же. Как видите, мы с вами мыслим одинаково. Золотая бесшабашная молодежь превратилась в солидную публику, покоряющую вершины истеблишмента. Кристал стала чем-то вроде анахронизма. И вот теперь она обратилась к нам с такой странной просьбой.

– Полагаю, у нее до сих пор остались связи с влиятельными людьми.

– Великолечно, Тиббет! В этом все и дело. Рад, что мы понимаем друг друга. Кто только ни влюблялся в Кристал в те далекие годы! Даже сам кардинал обручился с ней, разумеется, до вступления в сан. А скандал с сэром Бэзиллом! Теперь никто не помнит, как молодой капитан посадил очаровательную танцовщицу на свой боевой корабль и рванул с ней через океан на курорт в Средиземном море. Сегодня тот капитан ходит в адмиралах. Улавливаете, Тиббет?

– Думаю, да, сэр.
– Отлично, отлично... Ну, тогда вопрос решен. – Шеф вздохнул, расположился поудобней в кресле и громко высморкался в платок.

– Мне все понятно, сэр, кроме одного. Почему местная полиция не может заняться этим делом?

– Не упрямитесь, Тиббет.

– Вы сказали, что леди Балаклава обратилась за помощью в Скотланд-Ярд...

– Да, и назвала ваше имя.

– Но я ее не знаю!

– Она вас знает. Я всегда был против того, чтобы в прессе упоминались фамилии наших детективов. Она прочитала об одном из ваших дел и была так потрясена, что не хочет никого другого. Именно поэтому она пригласила вас и вашу жену на уик-энд в Пламли-Грин. Об отказе не может быть и речи. В пятницу вечером вы должны, не опаздывая, явиться к ней на ужин. Адрес и прочие инструкции получите у моего секретаря. Вопросы есть?

– Есть, – сказал Генри.

Брови начальника удивленно поползли вверх.

– Какие?

– Если эта леди просит защиты...

– Я ведь уже говорил!

– И если она хочет, чтобы я лично ее охранял, то я не совсем понимаю цель моего визита к ней именно в этот уик-энд. Значит, она считает, что уже в понедельник она будет в полной безопасности? Или мы с женой поселимся у нее навсегда?

– Ах, да! Хорошо, что вы напомнили, Тиббет. Видите ли, у леди Балаклавы в эту субботу – день рождения, и к ней приедут ее родственники.

– Она полагает...

– Нет-нет, – махнул рукой шеф. – Ничего она не полагает. Но именно на этот уик-энд просит защиты.

– Ничего не объясняя?

– Абсолютно ничего. Старушкины причуды. Если бы это был кто-нибудь другой, я бы отказал. Но леди Балаклава... Пожалуйста, Тиббет, не забывайте, что вы будете действовать как бы неофициально. Надеюсь, вы с женой хорошо развлечетесь.

– Надеюсь, сэр, – сказал Генри.

– «След лисы»? – изумилась Эмми. – Невероятное название!

– Он так сказал, – ответил Тиббет. – «След лисы», графство Суррей. Думаю, это не может быть настоящим названием.

– Наверное, какая-нибудь современная ужасная вилла. Кошмар!

– Мы скоро увидим.

Генри свернул с шоссе на проселочную дорогу, незаметную среди густых высоких деревьев. Под колесами машины зашуршала трава. Несколько минут они ехали в этом зеленом тоннеле, пока не обнаружили табличку, висевшую на ветке дуба. «След лисы» – было написано на поржавевшей металлической пластинке.

Дорога, посыпанная когда-то гравием, превратилась в узкую колею, заросшую вереском и кустарником. Затем деревья немного расступились, а после очередного поворота машина выехала на поляну, являющуюся одновременно и двором.

– Господи! – воскликнул Генри.

– Я же тебе говорила, – сказала Эмми.

Дом, стоявший перед ними, был своеобразным и в первые месяцы после постройки, наверное, выглядел весьма впечатляюще – немислимое нагромождение кубических форм из когда-то ослепительно-белого бетона. Теперь же, полвека спустя, стены потемнели, покрылись плесенью, металлические рамы поржавели – и вся модернистская конс-

трукция казалась кучей картонных ящиков, заброшенных сюда ветром во время грозы.

С явной запущенностью дома и дороги к нему резко контрастировал аккуратный газон, украшением которого был фонтан в форме саксофона. В прозрачной чистой воде плавали розовые и белые лилии. А цветочные клумбы вокруг можно было назвать произведением искусства. «Кто-то вкладывает немало труда в этот миниатюрный садик», – подумал Генри.

Рядом с домом стоял открытый «бентли» тридцатых годов, но в отличном состоянии. Они с Эмми подошли к дому, Генри нажал кнопку звонка, и за дверью раздалась сложная мелодия.

– Все это начинает быть забавным, – хмыкнул Генри.

– По крайней мере, в этом точно что-то есть, – мрачным тоном заметила Эмми.

Они подождали. Но, кроме музыки, ничего не услышали. Генри снова нажал на кнопку.

– Долли! – раздался высокий чистый голос. – Долли, дорогая! Открой дверь! – И через минуту: – А, чтоб тебя!

Послышался стук высоких каблуков на паркете, и дверь распахнула сама леди Балаклава.

– Мои дорогие! – воскликнула она. – Как хорошо, что вы приехали!

Генри отметил, что она по-прежнему – очень красивая женщина.

– Вы ведь Генри Тиббет? – продолжала она. – Не так ли? А это – миссис Тиббет? Чудесно! Проходите в дом, и я предложу вам великолепный коктейль.

Она посмотрела чуть выше его плеча, Генри повернулся и обнаружил массивную фигуру, идущую к ним по лужайке. На таком расстоянии было трудно различить, женщина это или мужчина.

– Ты звала меня, Крис? – спросила фигура грубоватым голосом. – Что случилось?

Леди Балаклава выглядела раздраженной.

– Ну, наконец-то, Долли, ты появилась. Прибыли мистер и миссис Тиббет.

– Вижу, – буркнула Долли.

Генри смог разглядеть лицо, почти скрытое под преувеличенно-густой маской косметики. Долли почесала голову секатором и добавила:

– Так проводи их в дом и дай им чего-нибудь выпить.

– Я думала, что ты откроешь двери, дорогая, – слегка обиделась Кристал.

– Мне надо было опрыскать азалии, – сказала Долли и резко повернулась к гостям: – Я – Дороти Трип, но обычно меня зовут Долли. – Она оскалила зубы в хищной улыбке. – Очень приятно познакомиться, но я должна вернуться к моим азалиям. Увидимся еще. – И тяжело зашагала по газону.

Леди Балаклава вздохнула:

– Долли обворожительна, вы не находите? Мы с ней – очень старые друзья.

Она проводила Тиббетов в большой холл, отделанный белым и черным мрамором. Витая лестница спускалась прямо в центр холла. Здесь был только белый мраморный столик, на котором стоял телефон.

– Чемоданы оставьте тут, – сказала леди Балаклава. – Долли потом отнесет их наверх.

Гостиная была тоже в старинном стиле, но очень удобная. Кристал сама приготовила коктейль в серебряном шейкере, затем налила белую ледяную жидкость в два бокала и критически посмотрела на Эмми.

– Тебе очень пойдет черный цвет, моя дорогая. Полнота будет меньше заметна.

Эмми вовсе не обиделась. Она улыбнулась и сказала, что действительно предпочитает черное, но не в такой теплый вечер.

– В конце концов, – добавила Эмми, – я же не на похороны сюда приехала.

– Конечно, нет, дорогая, – сухо произнесла леди Балаклава и наполнила свой бокал. – Садитесь, и я все объясню. Прежде всего, хочу заметить, что Долли не знает, кто вы такие. Она бесподобна, конечно, но, честно сказать, малость туповата. Она думает, что вы – друзья сэра Бэзила. Полагаю, вы знаете, о ком речь?

– Разумеется, я знаю сэра Бэзила, но не имел чести быть лично с ним знаком, – заметил Генри.

– А я думала, что он самый главный в Скотланд-Ярде!

– Конечно, главное управление осуществляет общее руководство...

– О, ради Бога! Не мучьте меня этими деталями!

– Мой шеф сказал, что вы просили прислать именно меня. А вдруг мисс Трип тоже знакомо мое имя?

– Ни в коем случае! Долли не читает газет. В принципе. А как зовут вашу жену?

– Эмми.

– Очень красивое имя. Ну, что ж... Вас уже ввели в курс дела?

– Вы думаете, что вас хотят убить?

– Я знаю это, – спокойно ответила Кристал.

– Но почему?..

– С вашего позволения, я выпью еще бокальчик, а затем все объясню. – Кристал снова наполнила бокал, села на кожаный диван и закурила сигарету. – Вы знаете, конечно, кто я такая?

– Миссис Гудверт, урожденная Малтреверс, более известная как баронесса Балаклава. Вдова, – ответил Генри.

– Вы хорошо выгучили урок, – усмехнулась Кристал. – Бедный Чарли! Вы не были с ним знакомы, полагаю?

– Боюсь, что нет.

– Все говорили, что я вышла за него из-за денег. И конечно, это совершенная правда. Не смотри на меня так, Эмми. Вас, молодых, очень легко удивить. Но мне надоела нищая аристократия, а Чарли дал мне все.

– Он был крупный промышленник, кажется, – заметил Генри.

– Его дед изобрел унитаз, – сказала леди Балаклава, – и этим покорила мир. Не будем вдаваться в подробности. Чарли был богатый человек. Очень богатый. А затем он купил себе титул и стал лордом Балаклавой. Просто потому, что его особняк назывался «Балаклава-терраса». Ах, милый Чарли! У него было чувство юмора. Моих дочерей от этого брака, – продолжала она, – зовут Примроуз, Вайолет и Даффи. Чарли очень любил свою мать, которую звали Дейзи. Слава Богу, она умерла раньше, чем я с ним познакомилась. Но у него осталась мания давать девочкам имена цветов. Я хотела протестовать, но он пригрозил, что вычеркнет меня из завещания. Конечно, я уступила. А тут и он сам отправился на небеса. Погиб при бомбежке. Его тело так и не нашли. Что касается этого дома, мы приглядели это местечко давно. А затем я пригласила Дэви Джонса, архитектора, и его друга дизайнера. Затраты оказались огромными, и Чарли чуть с ума не сошел. Но домик вышел ничего, а? Когда Чарли отправился на облака, я и Долли переехали сюда жить, потому что от его дома осталась только огромная дыра в земле. Я присутствовала на чтении завещания, конечно, таким было требование Чарли. Он всегда был такой, когда речь заходила о бизнесе... Так на чем я остановилась?

– На завещании, – подсказал Генри.

– Да. Мне, с моими куриными мозгами, трудно было понять смысл этого завещания. Кажется, он сводился к тому, чтобы я не заграбастала сразу все, а получала только скудную ренту. А вся сумма предназначалась для девочек. Но лишь после моей смерти. Каждая из дочерей имеет свою крошечную ренту, а капитал тем временем все растет и растет. Вот так! После моей смерти эта огромная сумма делится на три части, и деньги получают мои дочери. Поэтому кто-то хочет меня убить.

Генри наклонился вперед.

– Мне бы хотелось знать...

– Крис! – раздался голос из холла.

– Мы в гостиной, дорогая! – ответила Кристал. И кивнула Генри: – Продолжайте.

– Кто-то из ваших дочерей, или все они...

Дверь открылась, в комнату вошла Дороти Трип. Она плюхнулась на кушетку, широко расставив ноги.

– Хорошо бы выпить. А то эти азалии меня убьют.

Кристал улыбнулась, глядя на Генри.

– Мы поговорим позже, Генри, дорогой. А тебе, Долли, надо, между прочим, отнести чемоданы наверх.

– Я уже их отнесла, – ответила Долли.

– Ангел мой, – протянула Кристал, а когда Долли встала и взяла шейкер, добавила: – Генри только что рассказывал мне последние сплетни про Бэзила, дорогая. Уж-жасно, уверяю тебя!

Долли зарычала:

– Бэзил всегда был дураком! Что еще он натворил?

– Генри, расскажи ей, – сладко пропела Кристал.

3

Его выручила Долли.

– Крис, ты болтаешь ерунду, – сказала она. – Собираешь старые сплетни. Бэзил давно уже не тот, и с ним не стыдно появиться в приличном месте. Я даже знаю, о чем эта история. Наверняка о серьгах жены боливийского посла.

– Что вы об этом знаете? – быстро спросил Генри.

– Все – вранье. Эта кошечка сама придумала всю историю от начала до конца. В любом случае, это было тоже давным-давно. – Она налила себе бокал и выпила коктейль одним глотком. – Значит, завтра великий день? Когда вся банда приедет?

– Никакой банды, – обиделась Кристал. – Только девочки и их мужья. И Тиббеты, конечно.

– Это уже легче. – Долли повернулась к Эмми: – А вы тоже приготовили сюрприз?

– Сюрприз? – удивилась Эмми.

– Это такая семейная традиция, – начала объяснять Кристал. – Каждая из девочек привозит мне свой особенный подарок. Это придумал Чарли, старый сентиментальный дурак. Девочек, однако, забавляет.

– И какие могут быть сюрпризы? – спросил Генри.

– Я как раз собиралась все сказать. Примроуз – моя старшая дочь. Она замужем за врачом-французом по имени Дюваль и живет в Швейцарии. На мой день рождения Примроуз всегда привозит мне огромный швейцарский торт. Вайолет и Пит – цветы, что естественно, ведь Питер зарабатывает на жизнь цветами, он такой симпатичный мужчина. Ну, и, конечно, Даффи и Чак всегда привозят шампанское.

– Почему – конечно?

– Потому что Чак настоящий миллионер из Техаса. Даффи – очень умная девочка.

– Значит, у всех ваших дочерей мужья иностранцы? – заметила Эмми.

– Так уж получилось, – засмеялась Кристал. – Долли, ты что-то сказала, дорогая?

– Я кашлянула, – уточнила Долли и встала. – Мне надо переодеться. Идемте со мной. Вы будете жить в Черной комнате.

Генри и Эмми послушно вышли и стали подниматься за Долли по витой лестнице.

Комната производила впечатление. Стены, мебель, портьеры, даже простыни на кровати были черные, а ковер, шелковые покрывала и телефон – белые. Во весь потолок – матово-жемчужное зеркало.

– Ваши чемоданы – в шкафу, – проворчала Долли, – ванная там – тоже черная, конечно. Вас еще не мутит?

– Простите?

– Потолок. Из-за него некоторых гостей выворачивает наизнанку. Как в качку на корабле.
– Думаю, мы выдержим, – улыбнулся Генри. – Мы не страдаем морской болезнью.
– Ну, что ж, инспектор, – неожиданно заявила Долли. – Как говорится в книгах, очень рада вас видеть. – И посмотрела ему прямо в лицо. – О, я полагаю, Крис сказала вам, что я не знаю, кто вы такой. Какая же она все-таки дура! Она объяснила, зачем вы здесь?

– В двух словах. И вы как раз вошли в гостиную.

– Ну, да. У Крис появилась сумасшедшая идея – что одна из девочек хочет ее убить.

– Сумасшедшая?

– Конечно.

– Деньги – сильный мотив.

– Вздор! У Даффи муж – миллионер. Вайолет нравится скромная простая жизнь с Питом. Прим и Эдуард тоже прекрасно живут, кроме того, Примроуз просто обожает свою мать.

– Тогда откуда у леди Балаклавы появилась такая странная мысль?

Долли прорычала:

– Вот пусть сама и скажет вам! Смешно!

– Если это смешно, то почему вы сказали, что рады меня видеть?

– Да только потому, что Крис будет чувствовать себя спокойней. Вы слышали о сюрпризах? Так вот, Крис убеждена, что один из них отравлен.

– Не представляю, что кого-то можно отравить букетом роз, – заметила Эмми.

– Значит, вы не читали все эти детективные романы, которыми зачитывается Крис, – продолжала Долли. – По мнению одного из авторов, можно обрызгать цветы таким составом, что любой дурак, понюхав, тут же оочурится. Ну, торт, естественно, с цианистым калием. И шампанское...

– А вот тут возникает проблема, – перебил ее Генри. – Бутылку обычного вина можно открыть и подсыпать туда яд. Что касается шампанского...

– Вы правы, конечно, – согласилась Долли, – и, честно говоря, вся эта идея не кажется Крис действительно серьезной. У Даффи и Чака нет ни малейшей причины убивать Кристал. Но все же, ради интереса, она решила и эту проблему. Крис уверяет, что яд можно впрыснуть шприцем через пробку. Ну, и, конечно, существует старый испытанный способ – подсыпать яд в бокал.

– Если предположить, что или шампанское, или торт, или цветы отравлены, то что может сделать Генри? – спросила Эмми.

Долли рассмеялась хриплым смехом.

– Ценный вопросик! И я вам открою секрет. Крис хочет, чтобы Генри все предварительно понюхал и попробовал – прежде, чем это сделает она.

– Ничего себе! – воскликнул Генри.

– Она считает, что вы сразу заметите, если что-нибудь не так.

– Конечно, мы все заметим, – возмущенно проговорила Эмми. – Когда он умрет, это сразу все заметят.

– Не воспринимайте так трагически. Генри – профессионал, и он должен унюхать преступление в зародыше.

– Но я так понимаю... – начал Генри.

– Никто не должен знать, кто вы такой! – Долли снова рассмеялась. – Все в порядке! Девочки будут думать, что вы друг сэра Бэзила.

– А вы сами что думаете о подозрениях леди Балаклавы? – спросил Генри.

– На первый взгляд, все это смешно. С другой стороны, я слишком давно знаю Крис и научилась понимать ее. Что-то может случиться. Держите ухо востро, инспектор! – И, загасив свою сигару в пепельнице у постели, Долли вышла из комнаты.

Генри и Эмми распаковали вещи, переоделись и через некоторое время тоже спустились вниз.

Кристал сидела на софе, пила коктейль и курила сигарету, вставив ее в длинный мунд-

штук. Спиной к двери сидели двое мужчин. Они повернулись, и Генри не удивился, обнаружив, что один из них – это Долли, одетая в черный вечерний костюм, опять же брючный.

Кристал воскликнула:

– Ах, это вы, мои дорогие! С Долли вы уже знакомы. А это – доктор Гриффитс. Тони, познакомься, это – Генри и Эмми Тиббет, старые друзья Бэзила, из Лондона. Ты помнишь Бэзила? Долли, дай что-нибудь выпить! Генри умирает от жажды. И, наверное, от голода. У нас есть в доме еда?

– Конечно, есть, – проворчала Долли.

– Долли – просто чудо, – заметила леди Балаклава. – Она делает еду прямо из воздуха. Не знаю, как ей это удается!

– Не знаешь, да? – снова буркнула Долли. – Бокальчик для тебя, Тони? Что касается еды, то креветки готовы.

Кристал заулыбалась.

– Вы видите? Чудеса! Что бы я делала без тебя, Долли, дорогая!

Долли неожиданно покраснела и пробормотала:

– Стараюсь, как могу. И всегда очень старалась.

В это время зазвонил телефон, и она быстро вышла в холл.

Доктор Гриффитс взял свой коктейль и застенчиво обратился к Генри:

– Значит, вы друг сэра Бэзила?

– Я с ним едва знаком, – быстро проговорил Генри, которому надоела эта тема.

Наступило неловкое молчание.

– Тебе так идет черное платье, Эмми, – прервала его Кристал. – Ты в нем гораздо худее.

Эмми сладко улыбнулась в ответ.

– А вам так идет оранжевое. Вы в нем гораздо толще.

К ее удивлению, Кристал осталась довольна.

– Ты должна приезжать к нам чаще, Эмми, дорогая. С тобой приятно поболтать.

В комнату снова вошла Долли.

– Звонили с почты. Телефонограмма.

– Что? – заволновалась Кристал.

– Из Лозанны. Эдуард извиняется, но его срочно вызвали на конференцию. Примроуз придет одна.

Кристал явно успокоилась.

Ужин прошел весело. Генри и Эмми говорили мало, наслаждаясь креветками.

Затем Кристал встала и пригласила Генри в библиотеку.

– Крис, – сказала Долли, – ты же обещала...

– О, перестань! Это не то, что ты думаешь.

Библиотека была в дальнем конце дома. Небольшая комната, очень уютная. Генри заметил на полках полное собрание сочинений Диккенса, много Киплинга и ранние сочинения Пристли.

Леди Балаклава закрыла дверь и подвела Генри к столу, который, в отличие от книг, не был покрыт пылью.

– А теперь я покажу тебе игру, в которую могут играть только двое. – И она рассмеялась. – Не бойся, дорогой.

Кристал достала из ящика стола колоду карт и разложила их вокруг обычного стеклянного бокала. Но сами карты были необычные. На каждой нарисована буква.

– Я ничего не понимаю в спиритизме, – заметил Генри.

– Сейчас научу. Садись. Давай твои руки. Так, пальцы касаются моих пальцев. Кольцо должно оставаться неразорванным.

Генри сделал, как ему велели.

– Что теперь?

– Тихо!

Прошла минута. Генри подумал, что прошел целый час. Время тянулось очень медленно. Он уже начал терять терпение, когда бокал шевельнулся и стал слегка подрагивать, касаясь то одной буквы, то другой.

«Ч-А-Р-Л-И».

– Ваш покойный муж? – спросил Генри.

Кристал кивнула. Затем обратилась к бокалу:

– Скажи нам, что ты сказал мне.

Бокал посомневался. Медленно, будто нехотя, он выписывал свое послание. «О-П-А-С-Н-О-С-Т-Ь». И добавил – «У-Б-И-Й-С-Т-В-О».

– Кого убьют? – спросила Кристал.

«К-Р-И-С».

– Кто убьет?

«Н-Е-С-П-Р-А-Ш-И-В-А-Й». И снова – «О-П-А-С-Н-О-С-Т-Ь».

– Не будь идиотом, Чарли! – воскликнула Кристал. – Кто собирается меня убить?

Бокал запрыгал через стол, явно направляясь к букве «Д».

В это время дверь распахнулась, и в библиотеку влетела разъяренная Долли.

– Кристал!

Что случилось затем, Генри не понял. Он разжал пальцы, и леди Балаклава – тоже. Бокал подпрыгнул до потолка и упал на стол, разбившись вдребезги.

– Тони хочет попроситься, – сказала Долли. – Он уходит, Крис.

– Ну, и пусть уходит, – равнодушно ответила леди Балаклава.

– Попрошайся с ним, – не отступала Долли.

– Черт бы тебя побрал, – разозлилась Кристал и встала из-за стола. – Хорошо. И дай пластырь для Генри. Боюсь, что Чарли его слегка укусил.

Генри посмотрел на свою руку. Действительно, палец был в крови, и кровь стекала и капала прямо на карту с буквой «Д». Когда он поднял глаза, Кристал уже ушла.

Долли достала из ящика стола пластырь и заклеила Генри палец. Из того же ящика она достала тряпку и смахнула осколки стекла в мусорную корзину.

– Значит, вот откуда леди Балаклава берет информацию, – задумчиво протянул Генри.

– Похоже на то, – ответила Долли.

– А почему вы мне не сказали?

– Вы бы не поверили. И это не имеет ко мне никакого отношения! – неожиданно выкрикнула Долли.

– Лорд Балаклава не успел сообщить, кто хочет убить его... гм-м... вдову.

– Оно и к лучшему.

– Да? Почему же?

– Потому что он врет!

Она взяла корзинку и вышла из комнаты. Генри постоял и тоже вышел. В холле никого не было, а в гостиной сидела Эмми и держала в руках пустую чашку из-под кофе.

– Идем спать, – обратился к ней Генри.

– В эту черную комнату?

– По крайней мере, там тихо и спокойно. Мы должны отдохнуть. Завтра будет тяжелый день.

4

Генри и Эмми только закончили завтракать, когда услышали скрип гравия во дворе, а затем чей-то женский голос.

– Привет! Кто-нибудь есть дома?

Они были в кухне одни.

– Ты думаешь, мы должны... – Эмми положила ложку и посмотрела на Генри.

– Да. Долли в теплице, а Кристал вряд ли проснется до обеда.

– Интересно, кто бы это?.. – начала Эмми.

Но на ее вопрос тут же ответили.

– Мамочка! Это мы – Даффи и Чак. Где же ты, дорогая?

– Пошли, – сказал Генри. – Надо их встретить.

Даффи стояла в холле, излучая великолепиие, в новом костюме «от Кардена».

– Хелло, – поздоровалась она. – Кто вы такой?

– Меня зовут Генри Тиббет, – ответил Генри. – Это – моя жена Эмми. Мы приехали в гости на уик-энд. А вы, должно быть, миссис Швахеймер.

– Зовите меня Даффи. А где мама?

– Спит, насколько я знаю. Долли работает в теплице.

– А вот и Чак. Это мой муж. Сладкий мой, познакомься с Генри и Эмми Тиббет.

Мистер Швахеймер вошел, неся ящик шампанского самой известной марки.

– Привет! – коротко бросил он. – Даффи, куда поставить это?

– Поставь на пол, милый. Долли за всем присмотрит.

Немного неуклюже Чак опустил ящик с шампанским на пол, затем выпрямился и вытер вспотевший лоб шелковым носовым платком.

– Полагаю, мы приехали первые? – спросила Даффи.

– Да, – ответила Эмми. – Вы еще не завтракали? Все готово...

– Знаю, знаю. На кухне. Долли, конечно, все приготовила с вечера, и все, что нам осталось сделать, это сварить яйца. Пошли, милый, мы этим сейчас и займемся.

И чета Швахеймеров исчезла.

Вдруг входная дверь открылась, и они услышали голос Долли:

– Что за черт? О, простите! Уже приехали?

– Долли, дорогая! – воскликнула Даффи. – Как я рада тебя видеть!

– Мисс Долли. Извините, что я в фартуке, – хмыкнул Чак. – Я варю яйца...

Долли отрезала кусок пирога.

– Ваше первое задание – привезите Вайолет и Пита со станции. Паром прибывает в Харвик. Они будут на Ливерпуль-стрит в одиннадцать и возьмут такси до «Ватерлоо». Если успеют, сядут на поезд, отправляющийся в 11.45. Если нет, вам надо будет подождать следующий.

– Целый час торчать на вокзале! – возмутилась Даффи.

– Тебе – нет, а Чаку придется.

– Но, Долли...

– Вряд ли Ви успеет на 11.45.

– Пусть позвонит!

– Хватит кукситься, Даффи.

– Хорошо, мисс Долли, – примирительно произнес Чак. – Я встречу Вайолет и Пита на станции. Если надо, подожду. И, наверное, надо встретить Примроуз и Эдуарда.

– Только Примроуз.

– Что? – воскликнула Даффи. – Эдуард не приедет?

– У него срочная конференция.

– Мама, очевидно, в ярости.

– Наоборот. Мне кажется, она восприняла эту весть довольно спокойно.

– А все-таки жаль, что Эдуард пропустит этот вечерок, – буркнул Чак себе под нос.

Даффи строго взглянула на мужа, затем повернулась к Долли.

– Есть еще для нас работа?

– Только открыть шампанское. Как всегда. Примроуз, естественно, привезет торт.

– Никаких дурацких гостей на этот раз?

– Кроме мистера и миссис Тиббет, – сухо заметила Долли.

– Ах, да, конечно. Мы уже знакомы. Я не имела в виду...

– Мы все знаем, что ты имела в виду, Даффи, – прервала ее Долли. – Ладно, я пошла в теплицу опрыскивать цветы. Увидимся позже. – Она вышла, сильно хлопнув дверью.

Через несколько минут на металлической лестнице послышался цокот шпилек, и леди Балаклава в облаке дорогих духов сошла вниз. На ней был розовый пеньюар, перевязанный розовым боа.

– Мои дорогие! – воскликнула она.

– Леди Кристал, – произнес Чак, встав из-за стола и подавившись яйцом.

– Хэлло, мамочка, – скучным голосом поздоровалась Даффи. – Ты шикарно выглядишь.

Леди Балаклава критически уставилась на свою дочь.

– Новая брошь?

– Купила недавно в Париже.

– Я бы такую не купила.

Чак побледнел.

– По-вашему, она не слишком хороша, леди Кристал?

– Изумруд приносит несчастье. Это всем известно. Ты играешь с судьбой, Даффи.

– Я не суверна и люблю поиграть. Твой кофе, мамочка.

Леди Балаклава села в кресло, положила сахар в кофе и стала помешивать ложечкой.

– Долли сказала вам, что надо ехать на станцию? Наш «бентли» сломался.

– Мне это не очень нравится, если откровенно.

– Сожалею. Я не могла просить мистера Уинкфилда...

– Вот именно! Ты не могла попросить этого мистера Уинкфилда и просишь нас!

Леди Балаклава была невозмутима.

– Конечно. Ведь мы – одна семья.

Даффи засмеялась.

– Мамочка, я тебя обожаю!

Начался сугубо семейный разговор. Генри и Эмми вышли в сад подышать. Эмми села на лавочку у фонтана.

– По-моему, это – самое необычное твое задание, дорогой. Они тут все такие чудные. Например, Чак. И Долли...

– Долли, мне кажется, стоит в самом центре этой шарады. Может, нанесем ей визит?

Теплица была в дальнем углу сада, туда вела тропинка, начинающаяся сразу за дверью кухни.

Окна в теплице были открыты, и они увидели, как Долли ходит между растениями в большой странной шляпе, резиновых перчатках, держа внушительных размеров опрыскиватель.

– Вот дурачье! – закричала Долли, увидев их. – Убирайтесь немедленно отсюда!

– Мы хотели с вами поговорить, – сказал Генри.

– Это – запросто. Но не входите. Тут – отравы.

Генри почувствовал неприятный запах.

– Инсектицид?

– Жуткая вещь. Очень опасная.

– Зачем вы им пользуетесь, если он так опасен? – спросила Эмми.

– Потому что эффективно, моя дорогая. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– О спиритизме.

– Нонсенс! Вы верите в такие штучки?

– Неважно, верю я или нет. Важно, что леди Балаклава в это верит.

– Ну, и дура.

– Она объяснила мне, что это – игра для двоих.

– Чепуха!

- Почему же вы в нее играли?
- Я?!
- А кто еще?
- Вы неправильно поняли, мой друг. Я от таких вещей держусь подальше. Это – опасней, чем «Летучая смерть».
- Значит, вы должны знать напарника леди Балаклары.
- Долли помолчала, затем ответила:
- По четвергам я люблю ходить в кино. И по четвергам к нам любит заглядывать Тони Гриффитс, чтобы побыть с Кристал наедине.

5

Действительно, Вайолет и Пит прибыли поездом на 12.43, а примерно в час дня «роллс-ройс» привез их со станции.

Генри и Эмми, последовав совету Долли, решили прогуляться в лесу. Они вернулись после двенадцати. Кристал сидела в гостиной. Генри спросил, какие будут еще инструкции для него на этот день, и Кристал ответила:

– Прилепись ко мне и делай то, что я велю, Генри, дорогой.

В это время подкатил «роллс-ройс». Долли выскочила из кухни и побежала приветствовать гостей.

Затем все прошли в комнату, и Эмми поразил контраст между двумя парами. Швахеймеры были такие лощеные, они словно излучали вокруг себя богатство, его особый аромат. Счастливая пара.

Собственно, о ван дер Ховенах нельзя было сказать, что они бедны. Но их чересчур показное отношение к своим новеньким безукоризненным костюмам характеризовало людей с небольшим достатком, одетых в то лучшее, что у них есть.

Генри и Эмми поздоровались с ними, и тут вошла Долли. Она несла вазу, в которую успела поставить две дюжины великолепных темно-красных роз, затем уткнулась носом в букет.

– Чудесно пахнут! Божественно. Пит, ты – гений!

Кристал всплеснула руками в притворном испуге.

– Дура! Я не должна видеть мои подарки до самого вечера! Убери их отсюда!

– О, ладно-ладно... – проворчала Долли. – Это глупо с моей стороны.

– Дайте мне розы, Долли, – выступил вперед Чак. – Я отнесу их пока на кухню.

Постепенно напряжение улеглось, все разместились. Даффи флиртовала с Питом, Вайолет смотрела влюбленными глазами на мать, все время поддакивала, что бы Кристал ни сказала, и преувеличенно громко смеялась над ее шуточками. Чак нашел благосклонную слушательницу в лице Эмми и с удовольствием объяснял ей все тонкости, связанные с работой унитазов. Генри взял свой бокал, отошел к окну и встал рядом с Долли, которая молча смотрела на залитую солнцем лужайку.

– Мне бы хотелось знать, как он это делает, – заговорила она.

– Кто и что делает? – спросил Генри.

– Пит, – ответила Долли. – Эти свои розы.

– Он ведь – профессионал, не так ли?

– Какая разница! Конечно, у себя в Голландии он может достать разные химикаты, которые мне и не снились, но...

– Говоря о химикатах, – перебил ее Генри, – мне очень интересно, где вы держите свою столь опасную «Летучую смерть»?

Долли посмотрела на него скептически.

– Великий сыщик за работой? Извините, конечно. Но если это вас интересует, я держу инсектицид в теплице, которую закрываю на замок, а ключ постоянно ношу с собой. – Она

похлопала себя по карману вельветовых бриджей и добавила: – Ведь никто из этих дураков не знает, как это опасно.

– Кроме Пита ван дер Ховена.

– О, да! Конечно. Кроме Пита. – Долли рассмеялась хриплым смешком и повторила: – Кроме Пита, конечно.

После ланча Кристал заявила, что хотела бы еще прилечь, и ушла к себе в спальню. Швахеймеры поднялись в свою комнату. Им надо было распаковать вещи, а затем снова ехать на станцию, встречать Примроуз.

Генри и Эмми предложили Долли помочь вымыть посуду. Их предложение было неожиданно принято.

– Очень мило с вашей стороны, а то у меня дел полно.

Эмми принялась за мытье посуды, а Генри взял чистое полотенце.

– А вот и подарки леди Балаклавы, – сказал Генри. – Розы и десять бутылок шампанского. Две бутылки, должно быть, уже в холодильнике. А в той коробке с красным бантом что? Подписано: «Крис от глупой старой Долли». Торт придет позже, вместе с мадам Примроуз...

– А от нас – ничего, – огорчилась Эмми. – Это ужасно, Генри. Давай пойдем в деревню и купим коробку шоколадных конфет или еще что-нибудь.

– Хорошая мысль, – согласился Генри. – Но лучше ты сходи одна. Я должен быть здесь.

И Эмми отправилась в Пламли-Грин, а Генри сел на диван в гостиной, поближе к окну, чтобы видеть всех, кто входит и выходит, и взял в руки газету.

Пока ничего особенного не происходило.

Долли вышла из своей комнаты, спустилась по лестнице и протопала в сад. Вскоре после этого вниз спустились Швахеймеры и тоже вышли на лужайку. Они минуту поговорили с Долли, затем сели в «роллс-ройс» и уехали – слишком рано, изумился Генри. Долли закончила возиться в саду и ушла в теплицу. Ван дер Ховены вернулись с прогулки. Точнее, вернулась Вайолет. Генри слышал ее легкие шаги, когда она поднималась по лестнице. Через десять минут из леса появился Пит, пересек лужайку, но не вошел в дом, а вместо этого направился в теплицу и стал оживленно беседовать с Долли.

Швахеймеры вернулись в пять часов и привезли Примроуз Дюваль с тортом из кондитерской Боне в Лозанне. Все трое вошли через парадную дверь. Генри слышал, как Даффи говорила:

– Мама спит, конечно. Вайолет и ее Летучий Голландец, наверное, тоже в постели. Долли возится со своими азаниями. Еще эта странная парочка – мистер и миссис Тиббет.

– Мамины друзья?

– Да, наверное. Но какие-то необычные. Тихие, очень воспитанные. Мне кажется, мама что-то задумала.

Раздался голос Чака:

– Давайте торт сюда, Примроуз, и я поставлю его рядом с остальными подарками.

Через минуту на лестнице раздались его тяжелые шаги, и все стихло.

Затем Эмми вернулась из деревни с коробкой конфет – лучших, какие можно было купить в Пламли-Грин.

– Замечательная тут природа! – воскликнула она. – Сосны, тропинки и чудесный пейзаж. Отнеси это пока на кухню.

Она подала Генри коробку конфет вместе с поздравительной открыткой. На открытке было написано стандартное – «С днем рождения!»

Генри достал авторучку и добавил: «С наилучшими пожеланиями от Генри и Эмми Тиббет».

На кухне, в шкафу, он увидел еще одна большую коробку – белую, с красивой этикеткой. Генри осторожно приоткрыл крышку. Внутри был роскошный, просто фантастический торт.

Среди сахарных роз стояло маленькое швейцарское шале, марципановое, с крышей и ставнями из шоколада и прозрачным засахаренным розовым лепестком вместо двери. Вокруг этого шедевра вились слова поздравления из крема нежного фисташкового цвета. Генри закрыл крышку и сверху положил свою скромную коробку конфет. Он хотел закрыть шкаф, но вдруг заметил красный флакон с крупными белыми буквами – «Летучая смерть».

Буквы чуть поменьше рекомендовали использовать содержимое как отраву для насекомых в теплице. Шрифтом еще мельче советовалось надевать при этом резиновые перчатки и беречь глаза. И совсем маленькими буквами, которые трудно было прочесть невооруженным глазом, говорилось, что вдыхать «Летучую смерть» ни в коем случае недопустимо, ибо даже ничтожная доза может быть смертельна.

– Наверное, этой гадостью Долли опрыскивает свои азалии, – заметила Эмми.

– Именно, – подтвердил Генри. – И эта гадость должна быть в теплице и надежно закрыта на замок. Но никак не на кухне!

– Долли ошиблась... – начала Эмми и замолчала.

На кухне царил идеальный порядок. Нет. Долли не могла ошибиться.

– Мы не оставим этот яд здесь, – сказал Генри. – Я заберу флакон с собой и закрою в ванной комнате. А теперь идем, нам надо успеть переодеться к обеду.

Когда пробило шесть часов, Генри и Эмми сошли вниз. Они обнаружили, что в гостиной все уже готово к торжеству. Неутомимая Долли потрудились в их отсутствие. Стулья были расставлены вокруг невысокого мраморного стола, на котором красовались подарки.

Торт – в центре, а по бокам – коробка конфет и розы. Две бутылки шампанского в ведерках со льдом и девять изящных фужеров на высоких тонких ножках. Однако в комнате пока никого не было. Генри быстро достал платок и протер и без того сияющие фужеры в форме тюльпанов. Он не хотел полагаться на случай.

Уже через пять минут все гости заняли свои места – ждали только леди Балаклаву.

Дверь распахнулась, и она величественно вступила в комнату. Это было поистине впечатляюще. В золотой тунике, расшитой жемчугом и украшенной страусиными перьями, с длинным мундштуком, сверкающим бриллиантами, Кристал остановилась на пороге и воскликнула:

– Дорогие!

В тот же момент Чак откупорил первую бутылку. Пробка весело хлопнула, бокалы были наполнены и подняты за здоровье Кристал. Генри заметил, что она не прикоснулась к шампанскому, а поставила полный бокал рядом с собой и подмигнула Генри.

Затем разрезала торт на восемь равных частей.

– Вы забыли себя, леди Балаклава.

– Действительно, Генри! Нет-нет! Примроуз знает, как я обожаю марципаны. И это сказочное шале – специально для меня. – Леди Балаклава поддела ножом маленький янтарный домик. Все затихли. – А теперь, мои дорогие, я должна выпить за вас. И должна съесть этот великолепный торт и понюхать эти чудесные розы... Но сначала... – она повернулась к Генри, – мой почетный гость попробует все это. – И Кристал сунула марципановое шале ему в рот.

Чувствуя себя глупо, Генри откусил кусочек. Шале было роскошное. Все заплодировали.

– Теперь шампанское!

– Но я уже...

– Из моего бокала, – спокойно, но твердо проговорила Кристал.

Генри отхлебнул немного. Изумительное шампанское!

– И розы.

Генри опустил нос в букет и с удовольствием понюхал. Божественный аромат!

– Ага! – воскликнула леди Балаклава. – Ну, а теперь, мои дорогие, за вас!

Все вскочили и подняли бокалы.

Кристал, смеясь, откусила марципановое шале, отхлебнула шампанское и понюхала розы.
– Бесподобно! Восхитительно...

Больше она не сказала ни слова, а стала нервно тереть свое лицо. Затем схватилась за горло. Генри бросился ей на помощь, но она закачалась, ловя воздух широко открытым ртом и хрипя. Генри поймал ее, когда она упала ему на руки, упала безвольно, как тряпичная кукла.

– Боже мой! – крикнул он. – Скорее вызовите врача!

Долли, с позеленевшим лицом, бросилась к телефону.

– И отойдите все, – приказал Генри. – Я попробую сделать ей искусственное дыхание.

Примроуз всхлипывала. Вайолет словно окаменела от ужаса. Даффи верещала, а Чак пытался ее успокоить. Пит стоял, громко сопя, за спиной у Генри, будто бестолковый пес, который хочет помочь, но не знает, что ему делать.

Долли быстро вернулась в комнату.

– Доктор сейчас будет.

– Она не дышит, – начал Генри.

Неожиданно Долли во все горло завопила:

– Она умерла! Крис умерла!

6

Эмми постаралась освободить комнату и проводила гостей.

– Никто не должен покидать дом, – сказал Генри.

– Они все в своих комнатах, – ответила Эмми, стараясь не смотреть на страшное лицо

Кристал.

– Ты лучше проследи за ними после того, как вызовешь полицию.

– Полицию?

– Конечно.

– Но ты...

– Я здесь неофициально. А тут такое... Звони в местное отделение и скажи им, что есть вероятность отравления.

Эмми вышла в холл. Когда дверь через минуту снова открылась, Генри спросил, не обращившись:

– Что они сказали?

– Простите?

Голос был женский. Генри быстро обернулся и увидел девушку, стоящую в дверях. У нее были каштановые волосы, нежное симпатичное личико и огромные глаза. Генри никогда таких не видел.

– Я – врач, – представилась девушка. – Могу осмотреть ее?

– Врач? Но доктор Гриффитс...

– Он уехал сегодня утром. Я его замещаю. А теперь позвольте мне... – Она опустилась на колени рядом с Кристал и открыла свой маленький коричневый саквояж. Через несколько секунд встала на ноги и сказала: – Леди Балаклава мертва. Смерть, похоже, была мгновенной. – Она сложила инструменты и добавила: – Меня зовут Мессингем.

– Тиббет, – представился Генри. – Мы с женой тут в гостях.

– Понятно. Надо вызвать полицию.

– Моя жена как раз этим занимается.

– А кто еще в доме? Это ваша жена вызвала меня по телефону?

– Нет. Это сделала мисс Трип, подруга леди Балаклавы. А в доме находятся три дочери Кристал и два ее зятя.

– Отравление. Неприятно быть замешанным в таком деле. Вы, наверное, еще не знакомы с полицией.

– Очень даже знаком.

Доктор Мессингем внимательно на него посмотрела.

– Боже мой! – воскликнула она. – Тиббет! Инспектор Тиббет из Скотланд-Ярда. Я видела ваши фотографии в газете. Правильно?

– Да, – улыбнулся Генри. Ему нравилась эта девушка.

– Вот как... И вы случайно приезжаете в гости, когда хозяйка падает замертво.

– Это – не совсем случайность.

– Ясно. Значит, вы не очень удивлены?

– Извините, доктор Мессингем, но я не могу обсуждать эту тему...

– Нет-нет. Конечно. – Доктор Мессингем села на софу. – Боюсь, мне придется подождать, пока не придут полицейские.

– Разумеется. – Он помолчал, затем спросил: – Вы не считаете, что причиной смерти мог быть какой-нибудь инсектицид?

– Вполне вероятно. – Она взглянула на него. – Но я не могу обсуждать эту тему, инспектор.

– Нет-нет. Конечно, вы не можете. – Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Ну, хорошо, – сдался Генри. – Я здесь – совершенно неофициально. Леди Балаклава думала, что ее кто-то хочет убить.

– Похоже, она была права.

– Так что насчет инсектицида?

В это время вошла Эмми.

– Я только что... – начала она и замолчала, увидев незнакомую девушку.

– Это – доктор Мессингем, дорогая. Доктор, это – моя жена Эмми. Боюсь, леди Балаклава действительно мертва.

– Я только что звонила сержанту, – сказала Эмми. – Он скоро придет вместе с врачом.

– В таком случае, мне лучше выйти из этой комнаты и предоставить все полиции. Вы согласны со мной, инспектор? – спросила доктор Мессингем.

– Конечно. И вам лучше взглянуть на мисс Трип, доктор, если не возражаете. У нее была истерика. Эмми, проводи доктора наверх.

После этого Генри сел на кухне и стал ждать. Полиция прибыла через несколько минут на двух машинах. Детектив Сэндпорт, его помощник сержант Эроусмит и сержант Мерифилд из Пламли-Грин. А также доктор Бартлет, фотографии и специалисты по дактилоскопии, ну, и, конечно, водитель.

Доктор Мессингем сошла вниз. Она дала Долли успокоительное.

В удивительно короткое время все формальности были завершены, и тело Кристал увезли. Уехали и эксперты в одной из черных машин. Остались только инспектор Сэндпорт и сержант Эроусмит.

Следствие началось. Выслушав Генри, инспектор протянул:

– Значит, вы думаете, что ей подсыпали яд?

– Это был инсектицид, – сказал Генри. – С этим согласен и врач.

– Как его зовут?

– Не его, а ее. Доктор Мессингем.

– Мне придется и ей задать парочку вопросов.

Генри заглянул на кухню, где доктор Мессингем беседовала с Эмми, и передал просьбу детектива, а сам поднялся к себе в комнату, чтобы позвонить своему начальству.

В Черной комнате было темно, кто-то плотно задернул черные шторы. Генри сел на кровати и поднял трубку.

Ничего удивительного, что в трубке раздался голос. Линия из Пламли-Грин была одна, и все телефоны в доме соединены между собой. Однако Генри вздрогнул, когда женский голос проговорил:

– Кристал умерла!

Очень издалека мужской голос спросил на французском:

– Что? Что ты сказала?

И Генри сразу понял – это Примроуз звонит своему мужу.

– Эдуард! Это ужасно... торт... все подумают... все скажут... они все такие сволочи, ты же их знаешь...

– Примроуз, моя милая Примроуз, успокойся. Я огорчен известием о смерти твоей матери, но я не могу...

– Ты должен приехать сюда! Сию же минуту! – Голос Примроуз чуть не срывался. – Не оставляй меня, Эдуард. Это – нечестно! Торт...

– Ну, о чем ты говоришь! Это просто совпадение.

– Брось свою конференцию! Ты не понимаешь, Эдуард. Ты должен. Я... я не могу больше! Ты должен приехать. Ты меня слышишь?

– Хорошо. Я приеду. А теперь скажи мне, что случилось?

Генри осторожно положил трубку. Он спустился вниз, объявил инспектору Сэндпорту, что отлучится ненадолго из дома, и поспешил в Пламли-Грин. Лучше позвонить оттуда, чтобы никто не мог подслушать.

Была суббота, и Генри позвонил начальнику домой.

– Тиббет? – Тот немного задыхался. – Простите, я работал в саду. Я надеюсь?.. Что?.. Убита? Отравлена? Но, Боже мой, Тиббет, вы были там специально, чтобы предотвратить... Нет-нет... Я понимаю... Да, вы будете вести следствие. Что? Инспектор, кто?.. Нет! Вы не должны в таком случае высовываться. Ах, Тиббет! Под вашим носом... Репутация Скотланд-Ярда... Ладно, если надо, я пришлю своих людей. Будьте на связи.

Генри зашагал обратно. Эмми права – тут очень красиво. Но он сейчас не был настроен наслаждаться пейзажами, а думал только о том, что случилось.

Детектив Сэндпорт ждал его в гостиной.

– Что сказал врач? – спросил Генри.

– Большая доза отравляющего вещества. Попадание внутрь через рот.

– Если через рот, то это либо – шампанское, либо – торт.

– Именно. Мы скоро узнаем. Все уже в лаборатории. Я также отправил и розы, на всякий случай.

– Если яд был в торте, то под подозрение сразу попадают мадам Дюваль и ее муж. Шампанское я сам пробовал и нюхал розы.

– Думаю, что торт был отравлен, – согласился детектив и сверился со своими записями. – Госпожа Дюваль внесла его в дом, мистер Швахеймер отнес торт на кухню, мисс Трип поставила торт на стол, и... получается, кто угодно мог отравить этот торт.

– Надо еще узнать точно, что он отравлен.

– Да, конечно. Мне также надо поговорить со всеми присутствующими в доме.

– В таком случае, не обращайтесь на меня внимания, – сказал Генри. – Если нам повезет, то меня вообще никто не заметит.

Детектив Сэндпорт кашлянул. Затем приказал сержанту подняться наверх и пригласить сюда мисс Трип.

7

Успокоительное, кажется, неплохо подействовало на Долли. Она твердым шагом вошла в гостиную и уверенно села на стул перед инспектором Сэндпортом. Но смотрела только на Генри.

– Полагаю, вы здесь главный.

– Нет, – ответил он. – В данный момент я только наблюдатель. Инспектор Сэндпорт задаст вам вопросы, а вы честно на них ответите.

– Я отвечу, – согласилась Долли, закурила свою сигару и подмигнула Генри.

- Вы – мисс Дороти Трип? – спросил Сэндпорт.
- Естественно.
- Возраст?
- Пошел к черту!
- Ваш возраст, мэм?
- Совершеннолетняя.
- Точнее.
- Ладно. Я на три года младше герцога Виндзорского. Сообрази, а? Сэндпорт вздохнул.
- Запишем пока – «совершеннолетняя». Вы здесь живете?
- Я живу здесь очень давно. А что будет дальше, неизвестно.
- Что вы имеете в виду?
- Я работала у леди Балаклав.
- Работали?
- Была ее компаньонкой. Теперь мне надо выметаться.
- А может, она оставила вам что-то в завещании?
- Долли горько рассмеялась.
- Ей нечего оставлять. Все денежки крепко держит ее покойный муж. Кристал принадлежит только этот дом. Деньги достанутся ее дочерям, всем поровну.
- Вы намекаете, что у любой из них был мотив?
- Я просто сообщаю факты.
- Хм-м... Вы, кажется, разбираетесь в цветах?
- Верно.
- И в вашей теплице полно всяких инсектицидов...
- Да ладно вам! Уж не думаете ли вы, что Крис умерла от этого?
- Мне понадобится ключ от теплицы, – настаивал инспектор. – Он у вас?
- Да, но будьте осторожны.
- А если бы вы узнали, что один флакон с инсектицидом оказался на кухне рядом с подарками?
- Этого не может быть!
- Кстати, какой был ваш подарок?
- Долли покраснела.
- Карты. Крис любила эту игру... – Она вдруг расплакалась. Инспектор отпустил ее, и она ушла в свою комнату.
- А теперь я хочу поговорить с мадам Дюваль, – сказал инспектор.
- Примроуз была очень печальна. Она отвечала на вопросы почти шепотом. Дошло и до торта. Примроуз едва сдерживала слезы.
- Этот ужасный торт... Лучше бы я его никогда не видела...
- Вы думаете, что торт был отравлен? – спросил инспектор.
- Нет! Но люди так подумают. – Она закрыла лицо платком. – О, это ужасно!
- В конце концов, мадам разрыдалась, как и Долли. Сэндпорт спросил, не надо ли ее проводить. Примроуз потрясла головой и выбежала из комнаты.
- Даффи Швахеймер, наоборот, была очень спокойна. Она села напротив инспектора и, прежде чем он успел открыть рот, произнесла:
- Давайте закончим с этим делом побыстрее, инспектор. Я – миссис Швахеймер, и мой муж – миллионер. Так что, наследство для меня ничего не значит. Вы улавливаете мою мысль, инспектор, или я говорю слишком быстро?
- Продолжайте, миссис Швахеймер, – вежливо ответил Сэндпорт, зачарованно глядя на огромную изумрудную брошь на ее груди.
- Мы привезли шампанское в подарок. Всегда так делали. Но чуть не забыли в этот раз. Я вовремя напомнила Чаку. Если вы думаете, что мы подсыпали яд в одну из бутылок...

- Мне и в голову это не приходило, миссис Швахеймер. Шампанское – вне подозрений.
- В таком случае, мы с мужем немедленно возвращаемся в Париж.
- Вы не собираетесь присутствовать на похоронах?
- Нет.
- Ах, так... Ну, что ж, мы попробуем решить этот вопрос.

Даффи встала резко.

– Мы уезжаем завтра! Я передам вам наш адрес в Париже. – Она вышла из комнаты, оставив за собой запах дорогих духов.

– Ну, и пора пригласить самого мистера Швахеймера, – вздохнул Сэндпорт.

Интервью с Чаком было коротким. Он хотел бы помочь следствию, но ничего не мог добавить к уже сказанному. Сэндпорт поблагодарил его и отпустил.

Затем вызвали Вайолет. Кажется, из всех дочерей леди Балаклавы она одна испытывала неподдельное горе.

– Я понимаю ваши чувства, – сказал инспектор, – но и вы поймите, что идет следствие.

– Конечно.

– Ваш муж привез в подарок розы, не так ли?

– Да, – чуть слышно ответила Вайолет. – Две дюжины роз.

– Он ведь – садовод?

– Да.

– Значит... – засмеялся Сэндпорт, – полагаю, вы знакомы с действием разных инсектицидов?

Вайолет покачала головой.

– Нет. Пит занимается цветами. Я не заглядываю в его теплицы. Но... – Она вздрогнула. – Неужели вы думаете?..

– Ну, что вы, мэм. Это – просто технический вопрос.

– Значит, вам известно, чем отравилась мать!

Сэндпорт откашлялся.

– Строго говоря, мэм, еще нет. Мы не знаем наверняка. Но скоро поступят данные.

– Бедная мама, – вздохнула Вайолет. – Она всегда верила в судьбу.

– Грустная история, мэм. Вы, кажется, прибыли сюда днем? Что вы делали до обеда?

– Гуляли с Питом в лесу. Вернулись около пяти, как раз чтобы принять ванну и переодеться.

– А вы знаете, что ваш муж был в теплице?

Вайолет не смутилась.

– Он хотел поговорить с Долли. Муж очень уважает ее, она тоже – опытный цветовод.

Пит ван дер Ховен больше волновался за жену, чем за себя. Сэндпорт с трудом направлял беседу в нужное русло.

– Я сразу заявил ей, что этот инсектицид очень опасен, – сказал Пит. – А Долли ответила, что держит его в теплице, и рассмеялась.

– Вы видели инсектицид в теплице?

– Да, я заметил один флакон. А затем пошел к моей Вайолет. Она была так счастлива, что снова в Англии, со своей матерью. И вот теперь...

Сэндпорт махнул рукой и отпустил его.

Для полноты картины Сэндпорт задал несколько вопросов Эмми. Наконец, он закрыл свой блокнот и сказал Генри:

– На сегодня, пожалуй, все. Моя версия – торт был отравлен.

– Убийство ради денег?

– А что еще?

– Не знаю. Я просто спрашиваю.

– Да, по-моему мнению, мы должны особое внимание обратить на мисс Трип и на миссис ван дер Ховен. У одной была возможность, а у другой – мотив. – Он встал и пошел к двери. –

До завтра. Утром дело прояснится.

Но утром ничего не прояснилось. В семь часов позвонил инспектор Сэндпорт.

– Инспектор Тиббет?

– Да.

– Это – Сэндпорт, сэр. У меня для вас очень любопытная новость. Мне только что сообщили. Через полчаса я буду на работе.

– Я найду к вам в полицейский участок.

Обрывки тумана еще путались в деревьях рядом со станцией, в двух шагах от которой был полицейский участок. Сэндпорт сидел за своим столом и ждал Генри.

– Вот, – сказал он, подвинув бумаги на столе. – Это – заключение патологоанатома. Ничего.

– Что значит – ничего? – спросил Генри.

– Никаких следов яда. Ни в шампанском, ни в торте, ни в розах. И в теле яд не обнаружен.

– Но... это невозможно! Какая в таком случае причина смерти?

– Они не знают, – прорычал Сэндпорт. – То есть... – Он порылся в отчете. – Тут написана всякая ерунда. Резкое сокращение горла, шок... коллапс... В общем, весь их медицинский словарь. Главное, что они не знают причин этих симптомов. Такая строчка, например, – «очень редкий вид аллергии». Получается, что мы с вами можем вздохнуть спокойно. Просто «естественная смерть».

Эмми, в бежевых шелковых брюках и в белой блузке, хлопотала у плиты на кухне. Увидев мужа, она улыбнулась и махнула рукой. Они сели за стол.

– Ты видел Сэндпорта, дорогой? Уже есть новости?

– Видел, – сказал Генри. – Есть.

– Отравление?

– Нет.

– Яд был в торте, или... – Она замолчала. – Что ты сказал?

– Никакого яда. Ничего.

– Но от чего она умерла?

– Резкое сокращение горла. Шок. Коллапс... Так сказал врач.

– Он – сумасшедший!

– Наверное, он сам себе не верит. Но яда нет. Ни малейшего следа.

– Что же теперь делать?

– Я сообщил начальству. Есть идея остаться здесь.

Эмми кивнула.

– Правильно. Как ты думаешь, Долли согласится?

– Не уверен, что это будет решать Долли. А ты видела ее сегодня?

В это время вошла она сама. Казалось, Долли постарела лет на десять.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Готовите себе завтрак? Это хорошо.

– Хотите кофе? – предложила Эмми.

– Спасибо, – ответила Долли. – Я неважно себя чувствую. Должно быть, эти чертовы таблетки. Извините.

– Вы пережили страшный шок, Долли, – пробормотала Эмми. – Теперь вам надо подкрепить свои силы.

– Милое дитя, – вздохнула Долли. – Ну, ладно, спрашивайте у меня то, что вам хочется спросить.

– Это настолько очевидно? – улыбнулся Генри.

– Я же не дура.

- Скажите, вы знаете, кто адвокат леди Балаклавы?
- Конечно. А зачем?
- Думаю, что завещание поможет быстрее разобраться в этом деле.
- Да. – Долли нахмурилась и кивнула.
- А может, вы знаете, что там написано? – спросил Генри.
- Да, знаю.
- Тогда почему вы так боитесь?
- Я? Боюсь?
- Ну, да.

Неожиданно Долли рассмеялась.

– А вы проникательны! Но за это вам и платят, конечно. Ладно, я скажу, чего боюсь. Я много лет прожила в этом доме и не хочу отсюда уезжать.

– Кому вы тут мешаете?

– Девчонкам. Все достанется им, вы знаете. Они меня всегда ненавидели. От меня не скроешь, я хитрая. Но вы правы, конечно. – Она выпрямилась. – Мистер Планкет, Браун-стрит, адвокатская контора «Робертс, Хайтри и Бан».

Но адвоката не пришлось вызывать. Раздался телефонный звонок.

– Черт! Поесть не дадут! – воскликнула Долли.

– Сидите, я возьму трубку. – Генри подошел к телефону.

– Алло, это вилла леди Балаклавы?

– Да, – ответил Генри.

– Могу я поговорить с мисс Трип?

– А кто ее спрашивает?

– Мистер Планкет. Мисс Трип меня хорошо знает. Я – адвокат.

– Мы как раз собирались вам звонить, мистер Планкет. Вы, конечно, уже слышали новость.

– Конечно. Прочитал в утренних газетах. Грустно, очень грустно. Простите, с кем имею часть?

– Меня зовут Тиббет. Я приехал в гости к леди Балаклаве. У нее ведь был день рождения.

– Ах, да! Боже мой... Я совсем забыл. Значит, все ее дочери сейчас там?

– Да.

– Хм-м... Это упрощает дело. – Адвокат откашлялся. – Как чувствует себя мисс Трип?

– Она очень расстроена, – осторожно ответил Генри. – Естественно.

– Что ж, не обязательно звать ее к телефону. Я приеду завтра к обеду.

Примроуз, Вайолет и Пит сразу сказали, что они будут присутствовать при чтении завещания. Только Чак засомневался.

– А присутствовать совершенно необходимо? – спросил он.

– Нет, – ответил Генри. – Конечно, нет.

Инспектор Сэндпорт приехал в половине одиннадцатого и выглядел каким-то веселым. Он принес с собой портфель, из которого достал несколько бумаг.

Собравшиеся смотрели на него – далеко не весело. Вайолет была бледна, как мел, Примроуз очень нервничала и постоянно взглядывала на часы, Чак почему-то смущался, а Даффи красовалась в шелковом negligé – гордая и злая. Долли тяжело села на стул и опустила глаза.

Сэндпорт осмотрел всех с довольным видом и произнес:

– Леди и джентльмены, у меня для вас хорошая новость. Леди Балаклава умерла естественной смертью.

– Но... этого не может быть! – воскликнула Примроуз.

– Знаю-знаю, – мягко произнес инспектор Сэндпорт. – В это трудно поверить. И однако... Здесь документ, но я могу сказать проще. Следов яда не обнаружено нигде. Было исследо-

вано все – шампанское, бокал, розы и торт. И это исключает версию об отравлении, потому что нет в природе такого яда, который не оставляет следов. Все ясно? – Сэндпорт поправил бумаги на столе и снял очки. – Нет и речи об отравлении. Следствие прекращено, а вы можете быть уверены, что среди вас нет убийцы. – Он замолчал, убрал бумаги в портфель, встал и вышел. Через минуту его машина уехала со двора, скрипнули шины по гравию.

Наконец, Долли громко проговорила:

– И слава Богу.

9

В это время раздался телефонный звонок. Примроуз выбежала в холл прежде, чем кто-либо успел встать. Через несколько секунд она вернулась, возбужденная и довольная.

– Это – Эдуард. Он сейчас – на станции. Чак, может, ты за ним съездишь?

– Эдуард? – с преувеличенным удивлением воскликнула Даффи. – У него же – конференция!

– Он приехал, потому что я его просила, – объяснила Примроуз. – Я звонила ему вчера.

– Поеду, заберу его со станции, – покорно согласился Чак.

Даффи даже взвизгнула.

– Нет! С какой стати! Ты будешь работать теперь у них шофером? И только потому, что этот осел так влюблен в свою жену...

– А ну-ка, заткнитесь вы все, – перебила ее Долли. – Пока еще я тут хозяйка, и не орите у меня за столом. Мистер Тиббет, у вас есть машина?

– Да, – сказал Генри.

– Может, вы будете так добры и привезете доктора Дювалья со станции? Я бы съездила сама, но «бентли» сломан.

– Я рад помочь. – Генри встал.

– Кстати, – продолжала Долли, – ваша жена тоже может поехать, если не возражает. У нас тут намечается один маленький семейный разговор.

– Не возражаю, – сказала Эмми.

Долли тепло им улыбнулась.

– Спасибо, мои дорогие.

В машине Эмми заметила:

– Эти сестры ненавидят друг друга.

– Конечно, ненавидят. – Ты это только сейчас поняла?

– Они сдерживались. Но смерть матери сломала все барьеры.

– Нет-нет! Все как раз наоборот.

– Что ты имеешь в виду?

– Вчера они все были очень довольны и милы. «Естественная смерть» – вот что их разозлило.

– Интересно, как выглядит этот доктор Дюваль?

Перед станцией стоял только один мужчина – стройный, черноволосый, уверенный в себе. Когда машина остановилась, он подошел и наклонился к окну.

– Вы, наверное, приехали за мной? Я – Эдуард Дюваль.

Его английский был великолепный, может, слишком правильный, а карие глаза блестели за стеклами золотых очков.

– Вы совершенно правы, – ответил Генри. – Меня зовут Тиббет, а это – моя жена.

– Восхищен, мадам! – Дюваль поклонился.

– Долли хотела приехать сама, но «бентли» сломался. Садитесь.

Дюваль сел на заднее сиденье.

– Вы очень добры, – сказал он, когда машина тронулась с места. И добавил: – Грустная история... Вы были в доме, когда умерла леди Балаклава?

– Да, – ответил Генри.
– Смерть сама по себе не столь ужасна. Но говорят, что это было отравление?
– Подозревали.
– А сейчас уже нет?
– Никаких следов яда.
– И в торте?
– Великолепный торт. Просто объедение.
– Ага... – протянул Дюваль. – Значит, Примроуз напрасно волновалась. И не обязательно было мне приезжать. У меня – важная конференция.

– Я уверен, что ваша жена будет рада вас видеть. Она очень расстроена.

Дюваль проигнорировал эти слова.

– Что делает полиция? – спросил он.

– Ничего. Следствие закончено.

– А что говорят врачи?

– Естественная смерть. Какой-то очень редкий вид аллергии.

– Ха! Редкий вид? Ну, и дурачье!

– Все равно вывод один – естественная смерть.

– И мы можем сегодня уехать?

– Полиции вы не нужны. Но завтра – чтение завещания.

– Завещание, – задумался доктор Дюваль. – Да, конечно. Примроуз вряд ли это пропустит. Когда они приехали, в доме уже был восстановлен порядок. Даффи, Примроуз, Чак и Долли пили кофе в гостиной. Вайолет отдыхала в своей комнате, а Пит ушел на прогулку.

Примроуз приветствовала своего мужа с безучастным равнодушием. Она даже не поставила чашку, когда он чмокнул ее в щеку.

Как только доктор Дюваль поднялся к себе в комнату, Даффи заявила, что хочет поспать, и встала из-за стола. Чак вызвался ее проводить, но она пригвоздила его к месту, сказав, что он будет ей только мешать.

Все-таки они вышли вдвоем, потому что Чак хотел сделать несколько звонков из библиотеки.

После этого Долли повернулась к Генри.

– Итак? Теперь, когда следствие закончено, что вы и ваша жена делаете в этом доме?

– Мы бы хотели остаться, чтобы послушать завещание, – сказал Генри.

– Понятно. А я бы хотела уехать отсюда сегодня вечером.

– Но, Долли! Если все разведутся, дом останется пустым.

– Подождите до завтра, и вы увидите. Они ждали этого момента долгие годы. Только подождите, и вы увидите... – Долли резко встала и вышла из комнаты.

Затем в гостиной появился расстроенный Чак. Он звонил в свой офис. Сын еще не вернулся из Милана, и Чак вынужден сам вести важное совещание. Он сообщил Эмми, что билет на самолет уже заказан, а также номер в отеле «Грильон», и с мрачным видом вышел из комнаты.

Эмми отправилась на поиски Генри и нашла его в библиотеке. Он сидел за столом и просматривал содержимое ящиков.

– Этично ли, Генри?

– Долли разрешила мне. Пока она тут распоряжается.

– Что-нибудь интересное?

– Пока ничего.

Альбом с газетными вырезками, пачки счетов. Генри отметил, что в ящиках нигде нет игральные карты с буквами. Долли решительно положила этому конец.

Мистер Планкет приехал на следующий день, как и обещал, к обеду. Когда последние кусочки бисквита были съедены, мистер Планкет вытер рот салфеткой и сказал:

– Спасибо огромное. Обед – просто великолепный.
 – Плохие новости всегда лучше слушать на сытый желудок, – ответила Долли.
 – Плохие новости? Но, моя дорогая леди...
 – Ладно, Пигги, еще по чашечке кофе, и давай к делу.
 – Я думаю, это будет самое лучшее, – согласился мистер Планкет, которого Долли называла по-своему.

Наконец, он открыл портфель и откашлялся.

– Итак, хоть это и прискормно, но леди Балаклава умерла. Могу сразу сказать, что каждая из дочерей вправе рассчитывать, по крайней мере, на полмиллиона фунтов стерлингов.

Все вздохнули. А Вайолет спросила дрожащим голосом:

– Полмиллиона каждой?

– Совершенно верно, миссис ван дер Ховен.

– А налоги? – деловито и спокойно поинтересовалась Даффи.

– Все учтено. И мы переходим конкретно к завещанию леди Балаклавы. Это – простой и короткий документ. Я прочту его вам. «Я, Кристал Маргарет Балаклава, находясь в трезвом рассудке и доброй памяти, завещаю все деньги, собственность и состояние, которыми я буду располагать в момент моей смерти, моей дорогой подруге Дороти Трип». Подпись и все такое...

Мистер Планкет снял очки и уставился на Долли, которая громко рассмеялась.

– Ну, спасибо, Пигги!

– Простите, мисс Трип, я думаю, вы не поняли...

– Конечно, я поняла. Мне достались тряпки Крис, которые мне малы, да кухонная утварь, купленная после смерти Чарли. И, конечно, азалии.

– Нет-нет-нет! – застрочил Планкет, как из пулемета. – Вы, очевидно, не знакомы с состоянием дел. Во-первых, вам достается этот дом, со всей его обстановкой. – В комнате стало тихо. Все смотрели на Долли. – Затем – ее бриллианты. Они теперь – тоже ваши.

– Но... – смогла лишь произнести Долли.

– Вы, может, не знаете, мисс Трип, но в лондонском банке леди Балаклавы хранятся бриллианты стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов и даже больше. Кроме того, есть еще ценные бумаги. Примерно по двадцать тысяч за акцию, фактически, в сумме это составит...

Раздался грохот. Долли упала в обморок.

10

Конечно, поднялся жуткий переполох. Эдуард Дюваль лично занялся здоровьем Долли. Он приказал Даффи ехать в аптеку за успокоительными таблетками, Примроуз послал за градусником, а Вайолет – на кухню, принести бутылку с горячей водой. Впрочем, Долли довольно быстро пришла в себя. Генри и Планкет помогли ей подняться в комнату. А Эмми была уже там и стелила для Долли постель.

А затем гости стали поспешно разъезжаться. Собрав свой портфель, мистер Планкет спросил:

– Вы, полагаю, еще останетесь здесь, мистер Тиббет?

Слегка удивленный, Генри ответил:

– Я надеюсь. Мисс Трип любезно разрешила нам еще тут немного погостить.

– Это хорошо. Ей потребуется помощь.

Генри отвез его на станцию, а когда вернулся, встретил в холле Примроуз, которая метнула на него враждебный взгляд.

– Вам звонили, инспектор Тиббет. Значит, вы из Скотланд-Ярда? Вы все держали в тайне!

Но знайте, что мы с мужем начинаем собственное расследование. Он – врач, и мы скоро выясним, что на самом деле случилось с матерью.

– Вы остаетесь?

– Нет. Мы переезжаем в отель. – Она сунула ему записку и вышла, хлопнув дверью.

Генри быстро прочитал послание. Начальство приказывало оставаться на месте и поддерживать связь с Лондоном.

Наконец, все гости сели в «роллс-ройс» и уехали. В доме сразу стало очень тихо.

– Что это у тебя в руке? – спросил Генри, посмотрев на жену.

Эмми держала небольшой пакет.

– Пит хотел оставить какие-то образцы для теплицы, но не решился сам войти к Долли в комнату и попросил сделать это меня.

– Как себя чувствует Долли?

– Крепко спит. Вайолет заходила к ней попрощаться, но вряд ли Долли подняла даже голову.

– Бедная Долли, – сказал Генри и пошел в библиотеку звонить начальству.

Эмми решила прибраться в доме и начала с комнаты, которую занимали Швахеймеры. Она складывала одеяло, когда обнаружила большую изумрудную брошь. На мгновение Эмми замерла. Для нее и для Генри это было настоящее сокровище, стоявшее баснословных денег. Для Даффи – просто игрушка. Она, наверное, забыла брошь. Сейчас Даффи – уже в Лондоне. Она говорила, что остановится в отеле «Тауэр». Эмми заглянула в телефонный справочник и набрала нужный номер.

– Отель «Тауэр». К вашим услугам.

– Я бы хотела поговорить с миссис Швахеймер, – сказала Эмми.

– Секундочку. Да, есть, мистер и миссис Уоррен Швахеймер, номер 208. Мистер Уоррен Швахеймер заказал эти апартаменты сегодня утром, однако, мне кажется, миссис Швахеймер еще не появлялась.

– Но... – начала Эмми.

– Подождите, я попробую вас соединить. – Несколько секунд в трубке было тихо. Затем: – Да, оказывается, она уже приехала. Миссис Швахеймер на линии. Говорите.

– Алло! Кто это? – раздался голос Даффи.

– Извините, что беспокою вас, миссис Швахеймер. Это – Эмми Тиббет.

– О, Боже! – воскликнула Даффи. – Еще одна трагедия?

– Нет, никаких трагедий. Просто я нашла вашу изумрудную брошь и хочу сообщить, чтобы вы не волновались.

– Вы очень добры. Что же теперь делать?

– Может, вы приедете и заберете ее?

– Нет, это исключено. Пришлите ее мне сюда.

– Но...

– Я буду здесь до четверга. Времени вполне достаточно. Извините, у меня гости, я не могу долго говорить. Всего хорошего.

– До свидания, – попрощалась Эмми.

Она спускалась по лестнице, когда в холле зазвонил телефон. Генри подошел первый и поднял трубку.

– Тиббет слушает.

– Инспектор? Это – Сара Мессингем. Я только что узнала!

– Узнала – что? – спросил Генри.

– Э-э... вердикт... то есть диагноз. «Естественная смерть»! Бред!

– Значит, вы...

– Сушая ерунда!

- Патологоанатом...
- О, я знаю. Так вот, я не согласна. И раз вы еще здесь, думаю, что и вы – тоже. Клянусь, я доведу это дело до конца. Надеюсь, вы со мной?
- Разумеется.
- Мы должны встретиться как можно быстрее.
- Сегодня вечером?
- А почему нет?
- Вы ко мне, или я к вам?
- Лучше вы ко мне. Знаете адрес?
- Нет.
- Тогда записывайте. – Сара продиктовала свой адрес – недалеко от станции.
- Отлично, – сказал Генри. – Я только перекушу и – мигом к вам.
- Кто это был? – спросила Эмми.
- Местный доктор.
- О! Новый поворот?
- Нет, собственно. Но весьма интригующе. Она тоже не верит в случай с естественной смертью.

11

- Сара Мессингем сама открыла дверь и провела Генри в гостиную.
- Садитесь. Что будете пить? Виски? – На софе лежали документы, и Сара кивнула на них: – Я внимательно изучила отчет. Где-то закралась ошибка.
  - Вы считаете, что причина смерти – инсектицид?
  - Да, хотя никаких следов яда не обнаружено.
  - И какой же вывод?
  - Аллергия. Кстати, моя дипломная работа была на эту тему.
  - Но я думал, что от аллергии не умирают так внезапно.
  - Вы правы. Обычно вначале бывает невыносимый зуд...
  - Подождите! – перебил ее Генри. – Я вспомнил. Она стала чесать свое лицо.
  - Ну, вот! – воскликнула Сара.
  - Однако все было, как всегда. Я имею в виду – торт, шампанское и цветы. Значит, в этом году к традиционным подаркам что-то добавили. Случайно или нарочно.
  - Вы очень умны, – подбадривающе улыбнулась Сара. – Продолжайте.
  - Как насчет пенициллина?
  - Я тоже об этом подумала. Поэтому сразу посмотрела историю болезни. Доктор Гриффитс выписывал леди Балаклаве пенициллин. И никакой аллергии.
  - Но у вас есть какая-нибудь теория?
  - Теория – громко сказано, скорее наметки.
  - Говорите же!
  - Мы почти установили следующий факт – на этот раз что-то было добавлено. Вопрос – что это было, и кто эту гадость подложил? Попробуйте применить знаменитый метод дедукции. Извините, конечно, что я вас учу.
  - Не извиняйтесь. Надеюсь, мы будем работать вместе. А как у вас с дедукцией?
  - Я подумала об этой странной компаньонке.
  - Да, она тоже получила по завещанию довольно лакомый кусок. Но она утверждает, что ничего не знала об этом, даже упала в обморок. Если это была игра, то она вполне тянет на Оскара.
  - Может, надо искать не среди членов семьи?
  - Генри покачал головой.
  - Но тут у нас никого нет. Если только доктор Гриффитс. Кстати, куда он уехал?

– Отдыхает на юге Италии. В Калабрии. Скоро вернется. Может, вам посмотреть в прошлом леди Балаклавы? Если вы узнаете, например, чем она болела раньше, тогда мне останется только сложить дважды два, и ответ будет найден.

– Согласен.

– Вот и отлично! Выпьем за это по бокальчику?

12

Утром, за завтраком, Эмми сказала:

– Меня волнует Долли. Она все время спит.

– После такого шока немудрено... – начал Генри. – Хотя...

– Что?

– Ведь известие было приятным.

– Я говорю тебе, – настаивала Эмми, – она спит и спит!

– Доктор Дюваль дал ей успокоительное.

– Но она будто мертвая. Это – ненормально.

Генри похлопал жену по руке.

– Думаю, ты напрасно волнуешься, дорогая.

– Может, все-таки вызвать врача? Хорошо, если бы доктор Мессингем осмотрела ее.

– Но лечащий врач – доктор Гриффитс...

– А я бы ему не доверяла в данном случае, – упрямо проговорила Эмми.

– Ладно. Сделаем так – если ей не станет лучше, я вызову доктора Дюваля, и посмотрим, что он скажет.

Долли не спустилась в гостиную, и Эмми отнесла завтрак наверх.

– Я вам очень признательна, – пробормотала Долли. Она сидела на кровати. – Все уже уехали?

Эмми объяснила, что Эдуард и Примроуз живут сейчас в отеле, в Пламли-Грин.

Долли сардонически рассмеялась.

– Гордость не позволила им жить в этом доме после того, как я стала тут хозяйкой. Типично для них. – Она налила себе кофе с молоком. – Чуть не забыла... Где эти таблетки? Эдуард говорил, что их надо пить три раза в день. Подай их мне, пожалуйста, дорогая.

Эмми протянула ей маленькую бутылочку, Долли вытряхнула оттуда белую таблетку, быстро положила ее в рот и запила горячим молоком.

– Ну вот... Противные!

– Генри хотел с вами поговорить, если вы не очень устали.

– Пусть приходит.

– А теперь отдыхайте, Долли.

– Нет-нет. Я встану.

Но когда Генри поднялся в комнату, Долли была снова такой сонной, что не могла говорить.

– Что... вы... хотели... узнать... – медленно проговорила она, откинувшись на подушку и глядя подозрительно на него из-под полуопущенных век.

– Чем болела Кристал в последние годы?

– А зачем вам?

– Интересуюсь.

– Это – не ваше дело.

– Мне просто нужна более ясная картина.

– Послушайте, Тиббет. Вам известно, что сказал врач. Естественная смерть... Кроме того... я обещала... Кристал...

– Что вы ей обещали?

– Никогда... не скажу... никогда... – Она говорила все тише, потом застонала и уже через секунду крепко спала.

Генри вздохнул, спустился в гостиную и позвонил Дювалю.

Доктор был не очень доволен. Вполне естественно, что Долли спит. Он ведь дал ей успокоительное, и она будет такой сонной еще дня два.

Затем Генри позвонил Саре Мессингем, но ее не было дома. Он положил трубку, и тут раздался звонок.

– А, мистер Тиббет? Это – Планкет. Как дела? Надеюсь, мисс Долли чувствует себя лучше? Хорошо, что с ней рядом друзья. Вы и ваша жена, я имею в виду. Что ж... Я должен увидеть Примроуз завтра, после похорон, и уладить кое-какие финансовые вопросы. А потом хотел заехать к вам и перекинуться словечком с Долли.

– Приходите завтра часа в четыре. – Генри засомневался, но все-таки спросил: – Когда вы стали адвокатом леди Балаклавы?

– О, не так давно!

– То есть после смерти лорда Балаклавы?

– Хм-м... да. Можно сказать и так.

– Понятно. Хорошо, заходите завтра после обеда, мистер Планкет. До свидания.

Затем Генри позвонил своему другу адвокату, который не раз помогал ему в запутанных делах. Майкл Бейкер был очень рад, и они договорились о встрече. Генри поднялся в Черную комнату, чтобы сообщить жене о своем отъезде.

Эмми вручила ему маленький сверток.

– Если едешь в Лондон, то и отправишь заодно.

– Что это? – спросил Генри.

– Изумрудная брошь. Даффи ее забыла, а я нашла, когда убирала комнату.

– Отправить почтой такую вещь? В Париж?

– Не в Париж. Я звонила вчера Даффи. Она будет в Лондоне до четверга.

– Она все-таки приедет на похороны?

– Это – вряд ли. Она развлекается со своим любовником – Уорреном Швахеймером.

– Надо же! – воскликнул Генри. – О'кей, я отправлю посылку в Лондоне. Дойдет быстрее. –

Он положил сверток в карман.

– Когда вернешься? – спросила Эмми.

– Обещаю, что не очень поздно. К ужину – точно. Я обедаю с Майком, и мы с ним поболтаем у него в офисе. А ты тут приглядывай за Долли.

– Конечно. И если ей станет хуже, я позвоню доктору Мессингем, – твердо заявила Эмми.

Было приятно снова очутиться в Лондоне. После обеда они зашли в офис Майка и удобно расположились в глубоких кожаных креслах. Генри рассказал коротко о том, что случилось на вилле «След лисы».

– Ты считаешь, что это было убийство? – спросил Майк. – И вы с доктором Сарой Мессингем хотите его раскрыть?

– Доктор Мессингем первой обследовала тело леди Балаклавы и располагает кое-какими теориями на этот счет.

– А что думает по этому поводу твоя жена? Ты знаешь, я очень уважаю ее мнение.

– У Эмми до сих пор не было времени, чтобы выразить обстоятельно свое мнение. Она сейчас возится с Долли.

– Это та истеричка, которой достался целый дом? А что с ней такое?

– Да ничего особенного. Спит, как слон. Но Эмми это почему-то беспокоит. Она хочет, чтобы Сара взглянула на нее. Прошу тебя, Майки, помоги мне разобраться в этих тонкостях.

– Старина, тут все ясно. Три дочери, и деньги – поровну? А компаньонка отхватила целую виллу. По-моему, ничего сложного.

13

В поезде, возвращаясь обратно, Генри раздумывал над информацией, которую получил от Майка.

Из трех сестер только Даффи имела полное право на наследство. И это плюс к тому, что у Чака имеются собственные миллионы.

Не так ясно было с Вайолет и Питом. Все зависело от того, какой у них брачный контракт. Наследство может принадлежать супругам вместе, поровну или быть записанным на мужа целиком.

В Швейцарии все принадлежит мужу. Никаких неясностей. Четко и просто. Но по каждому конкретному делу можно договориться. Так что, Примроуз и Эдуард остаются пока загадкой.

Именно их он и обнаружил в гостиной. Они потягивали шерри в компании его жены. Эдуард объяснил, что хотел взглянуть на Долли.

– И как она? – спросил Генри.

– Прекрасная! – Его английский был все-таки не совсем идеальным. – Мои таблетки ей помогли. Думаю, она может принять участие в похоронах...

– Присутствовать на похоронах, – поправила его Примроуз. – Ты все время допускаешь одну и ту же ошибку.

Доктор Дюваль ослабился.

– Да, моя дорогая Примроуз, я всегда делаю одна и ту же ошибку. Итак, говоря о Долли. Она может присутствовать на похоронах, но я бы не советовал ей. Есть случайность...

– Вероятность!

На этот раз Примроуз была гораздо резче, но доктор Дюваль будто не заметил и продолжал:

– ...что это снова вызовет срыв.

– Бедная Долли, – вздохнула Примроуз. – Вы знаете, я нашла вам прислугу. Миссис Биллинг будет прибирать в доме и готовить обед. Так что, вы, – она взглянула на Эмми и сладко улыбнулась Генри, – можете возвращаться в Лондон, когда захотите.

– Вот именно, – улыбнулся Генри. – Как вы изволили заметить – когда захотим.

Примроуз покраснела, опрокинула шерри одним глотком и резко встала.

– Нам пора.

Они уехали, и Эмми спросила:

– Что нам делать с прислужгой?

– А что с ней делать? – не понял Генри.

– Миссис Биллинг может придти сегодня вечером. Где она будет спать?

– Этого я не знаю. Но, наверное, должны быть еще какие-нибудь свободные комнаты.

Эмми пошла наверх.

Через несколько секунд раздался звонок. Генри вышел в холл и поднял трубку.

– Алло! Могу я поговорить с миссис Швахеймер?

– Извините, мистер Швахеймер, – ответил Генри, – но она сейчас в Лондоне...

– Мистер Швахеймер, – раздался неожиданно в трубке голос Эмми. – Я говорила с Даффи вчера по телефону.

– А? Так она еще вернется в Пламли-Грин?

– Не думаю.

– Но в телеграмме... – проворчал Чак. – Что происходит?

– Мистер Швахеймер, я позвоню Даффи и попрошу, чтобы она позвонила вам в Париж.

– Это было бы просто чудесно, миссис Тиббет! – обрадовался Чак. – Я вам очень признателен. Пусть Даффи звонит мне в отель «Грильон». Всего хорошего.

Генри положил трубку, а Эмми быстро спустилась по лестнице.

– Извини, дорогой.

– Любопытно, – сказал Генри. – Что случилось?

– Не могла же я допустить, чтобы Чак позвонил ей в отель! – Голос жены был почти умоляющим.

Генри ухмыльнулся.

– Лучше звони ей сейчас.

Даффи испугалась, когда узнала, что звонил Чак.

– Что он хотел?

– Поговорить с вами, – ответила Эмми.

– Вы назвали отель?

– Нет.

Даффи немного успокоилась.

– Вы хорошо сделали, миссис Тиббет. Я, конечно, позвоню своему мужу, – добавила она быстро. – Как там Долли?

– Ей лучше.

Долгое молчание. И затем:

– Спасибо за брошь. Вы послали ее из Лондона?

– Не я. Мой муж ездил в Лондон и отправил заодно брошь.

– Понятно... Все равно спасибо, миссис Тиббет. И до свидания. Завтра похороны. Думаю, мы увидимся.

Миссис Биллинг пришла через несколько минут. Полная женщина с седыми волосами и широкой доброй улыбкой. Она сразу надела фартук и принялась за уборку.

В восемь часов миссис Биллинг появилась в гостиной, необыкновенно довольная. Ужин готов, объявила она, сияя от счастья. Очень простой ужин, но она надеется, что им понравится. Сыр, жареные цыплята и яблочный пирог. Что из этого можно предложить Долли?

Эмми попросила отнести наверх понемножку того и другого. Взяв поднос, миссис Биллинг стала подниматься по лестнице.

Тиббеты наслаждались едой, когда дверь столовой вдруг с грохотом распахнулась.

– О, мэм! – Ужас был написан на пунцовом лице миссис Биллинг. – О, мэм, идемте скорее! Она умерла!

14

Долли не умерла, но была близка к этому. Час спустя Сара Мессингем вернулась из больницы, куда поместили мисс Трип.

– Она все еще в коме, – сказала Сара.

– Но что случилось? – спросил Генри.

– Яд, – ответила Сара. – В малых дозах через определенные промежутки времени.

– Таблетки, которые ей выписал доктор Дюваль... – начала Эмми.

– Их тоже исследуют, – заверила Сара, – но, думаю, с ними все в порядке.

– Предположим, – вмешался Генри, – кто-то вместо таблеток всыпал яд.

– Но кто? – тут же возразила Сара. – Вы же не станете утверждать, что у кого-то под рукой просто случайно оказались отравленные таблетки, причем того же размера и цвета, что и в пузырьке?

– Нет, конечно, – сказал Генри. – Это было бы смешно. А что за яд? Вы знаете?

Сара покачала головой.

– Нет еще точных данных. Мы их получим позже. Есть лишь догадки, что это какой-то инсектицид.

– Типа «Летучей смерти»?

– Очень похоже.

– Может, та коробочка, которую Пит оставил... – заметила Эмми.
– Пит что-либо оставлял? – перебил ее Генри, заволновавшись.
– Я же говорила. Какой-то пакет для Долли. Я сама отнесла его наверх.
– Где он теперь?
– Должно быть, там же. Этим вечером я уговорила Долли перебраться в комнату побольше. А в ее комнате временно поселилась миссис Биллинг. Я пойду и поищу пакет, если она не спит.

Миссис Биллинг еще не спала. Она открыла дверь, величественная в своем красном плюшевом халате и без зубов.

– Што шлушилош, мэм? – прошепелявила она.

Эмми объяснила.

Стали искать в ящиках комода, куда миссис Биллинг сложила лекарства Долли. Аспирин, дерматон... А вот и простой белый пакет.

– Точно, тот самый. Извините за беспокойство, миссис Биллинг.

Эмми принесла пакет в гостиную и раздраженно буркнула:

– Его открывали.

– Почему вы так уверены? – спросила Сара.

– Пакет заклеен липкой прозрачной лентой, видите? И лента чуть сдвинута.

– Осторожно с отпечатками!

Генри взял пакет, положил на стол и только тогда развернул бумагу. Внутри оказалась маленькая коробочка, на которой было написано крупно: «ЯД». И мелкими буквами инструкция, как разводить содержимое в воде, чтобы получить инсектицид.

– Это – очень опасный яд, – произнесла Сара, прочитав инструкцию. – Даже крошечная доза может быть смертельна. Странно, но у меня такое ощущение, что кто-то подсыпал его в пищу, которую давали Долли.

– Вы думаете, что это делала я? – возмутилась Эмми.

– Конечно, нет.

– А кто? Кроме нас, тут никого не было.

Когда Сара ушла, Эмми кинулась в объяснения.

– Разумеется, я не открывала пакет. И никто не входил в комнату... только доктор Дюваль, вчера... Но я была рядом. И зачем бы миссис Биллинг стала открывать пакет?! Я спрошу ее завтра, но... И Вайолет! Она сказала, что заходила к Долли попрощаться.

– По крайней мере, Вайолет в этом призналась, – заметил Генри. – Может, и остальные так сделают?

15

Следующий день не принес ничего нового.

Генри и Эмми сидели в гостиной.

– Я уверен, что это – одна из дочерей, – сказал Генри.

– Или Долли.

– Или Долли, – кивнул Генри.

– Предположим, что один из мужей подговорил свою жену.

Генри покачал головой.

– Каким же надо быть монстром, чтобы отравить старую мать, и только из-за денег, которые каждая из дочерей все равно получила бы рано или поздно.

– А кто хотел отравить Долли?

– Знаешь, дорогая, по-моему, тут какое-то недоразумение.

– Генри, неужели ты думаешь, что я подсыпала порошок?

– Конечно, нет! – Генри вздохнул. – Но так это может выглядеть. А теперь, – добавил он, – нам пора собираться.

– Собираться?

– Да. Дело закончено, я позвонил начальству, мы уезжаем.

– Ах, Генри, – сочувственно проговорила Эмми, – значит, ты сдаешься?

Он улыбнулся, но это была вымученная улыбка.

– Не совсем, я надеюсь.

Эмми отправилась на поиски миссис Биллинг, обнаружила ее на кухне и сообщила, что они уезжают в Лондон этим вечером. Миссис Биллинг не очень сожалела.

– В таком случае, мэм, – сказала она, – разрешите мне убрать постель в вашей комнате.

Затем, в мрачном расположении духа, Эмми вышла прогуляться в сад. Она мысленно перебирала всех участников этой драмы: красавица Даффи, педантичный мистер Планкет, Эдуард Дюваль, Примроуз...

Вдруг на втором этаже распахнулось окно, и миссис Биллинг громко позвала:

– Мэм!

– Что случилось, миссис Биллинг?

– Извините, что беспокою вас, но я не могу найти грязные простыни. Их нет в обычном месте.

– О, простите, но я не знала, где их обычное место, – ответила Эмми. – Сейчас поднимусь.

Действительно, Эмми складывала грязные простыни в нижнем ящике шкафа. Теперь она достала их все, а последняя пара, которую она сняла с постели Долли, лежала в комнате миссис Биллинг.

Эмми наклонилась и потянула из ящика смятые простыни.

– Вот они, – начала она и замолчала, держа в руке простыни, из которых сыпался белый, как снег, порошок. Потом медленно проговорила: – Я думаю, что эти простыни не надо сдавать в прачечную.

– Да? – удивилась миссис Биллинг. – А по-моему, они очень грязные.

– Оставьте все, как есть, и ничего не трогайте. Я пойду разыщу своего мужа.

Сары Мессингем дома не оказалось, и Генри оставил сообщение, чтобы она зашла к ним немедленно.

Сара примчалась после пяти, очень заинтригованная. Она осторожно насыпала белый порошок в чистый конверт.

– Мы исследуем его, – сказала она, – но я уверена, что это – тот же самый. Любопытно. Я думала о том, что яд может проникать через кожу...

– Дерматон! – вдруг воскликнула Эмми.

– Что?

– Когда мы искали пакет в комнате у Долли, я заметила в ящике тюбик дерматона.

– Если у Долли был дерматит, то это многое объясняет. Даже ничтожное количество порошка могло вызвать такой эффект. Побегу, отдам порошок в лабораторию.

– Вы столько делаете для нас! Как я буду расплачиваться?

– Я пришла вам счет.

Сара улыбнулась, махнула рукой и вышла.

Но Эмми стояла на лестнице очень задумчивая.

– Счет?

– Она пошутила, Эмми.

– Да нет же! Не будь дураком. Счет?!

– Послушай...

– В библиотеке. В столе лорда Балаклавы. Там полно счетов. Должны быть и от врача.

Они бросились в библиотеку и еще раз перерыли карточный столик. Действительно, счета от врачей были. То мигрень, то несварение желудка, что случается в любой семье. Несколько счетов от гинеколога – нечего и объяснять. А вот три счета от доктора Томпсона на Харлей-стрит были весьма внушительными.

И еще... Леди Балаклава поправляла свое здоровье в одной частной лечебнице и провела там три недели.

Но больше – ничего.

Генри оставалось только узнать, где теперь проживает доктор Томпсон.

16

Конечно, это было непросто. Но, в конце концов, Генри выяснил, что доктор Томпсон живет сейчас в Кенте. Они с Эмми приехали туда примерно в половине первого. На вопрос о леди Балаклаве доктор Томпсон ответил:

– Да, она, бедняжка, болела туберкулезом. Когда симптомы уже трудно было скрывать, обратилась к моей сестре. Кристал и Элизабет дружили очень давно, еще со школы. И была еще одна подруга, которая тоже знала о ее болезни. Весьма странная особа...

– Долли Трип?

– Да, ее звали просто Долли. Она стала ухаживать за Кристал. А затем лорд Балаклава погиб.

– А что потом? – спросил Генри.

Доктор Томпсон посомневался.

– Извините, но ведь вы – полицейский?

– Да.

– Значит, в смерти Кристал было что-то подозрительное?

– Я могу ответить просто. Сначала возникло предположение, что ее отравили. Но никаких следов яда не нашли. И врачи констатировали «естественную смерть». Я провожу неофициальное расследование. Однако думаю, что она умерла не от туберкулеза. Ведь она полностью вылечилась?

– Полностью.

– Случилось чудо?

– Именно чудо, – сказал доктор Томпсон. – Просто она решительно не захотела умирать. Других объяснений нет. Заботливый уход за ней этой Долли и чистый воздух Пламли-Грин тоже сыграли свою роль, конечно. А затем был изобретен стрептомицин. Мне удалось достать это лекарство, когда оно было еще редкостью в нашей стране.

– Каким образом? – спросил Генри, но был уверен, что уже знает ответ. – Из одной клиники в Лозанне?

Доктор Томпсон откинулся на спинку кресла и засмеялся.

– Не знаю, зачем вы утруждали себя путешествием сюда, молодой человек. Вам известно не меньше, чем я могу вспомнить. Лучше вы сами назовите имя того врача, потому что я действительно забыл...

– Эдуард Дюваль.

– Вполне вероятно. Имя ничего не значит для меня. Важно то, что я получил тогда стрептомицин. И чудо произошло. Леди Балаклава вылечилась полностью. Но, конечно, мы уже не используем этот препарат в таких больших дозах.

– Почему, если он так чудесен?

Доктор Томпсон вздохнул.

– Побочные эффекты. Они появились не сразу и только у некоторых пациентов. Глухота, головокружения, аллергия на лекарство.

– Аллергия? – повторил Генри.

– Стрептомицин используется по-прежнему, но в меньших дозах и в сочетании...

– Вы сказали об аллергии, – напомнил Генри.

– Да. Это – один из побочных эффектов, причем его наиболее сложно уследить. Он может проявиться только спустя много лет.

– И леди Балаклава страдала от него?

Доктор Томпсон искренне удивился.

– Нет! Конечно, нет. – Он помолчал и затем спросил: – Вы видели, как умерла леди Балаклава?

– Да, мы с Эмми были там, когда это случилось.

– И симптомы указывали на отравление, но яд не обнаружили?

– Совершенно верно.

– На какой яд было подозрение?

– Предположительно это был инсектицид, один флакон которого нашли в доме.

– Опишите мне, пожалуйста, симптомы. И как можно детальнее.

Воспоминания были неприятные, но Генри рассказал все – «как можно детальнее». Когда он закончил, наступило долгое молчание. Наконец, доктор Томпсон медленно произнес:

– Нет, боюсь, я не могу этого сделать.

– Что именно?

– Я хотел, услышав подробности, раскрыть тайну для вас – но это невозможно.

– Не совсем понял.

– Гм-м... Из того, что вы мне сказали, и, зная историю болезни леди Балаклавы, я бы предположил возникшую все-таки у нее аллергию на стрептомицин.

– Да, но стрептомицин тоже не обнаружили.

– О! Тут как раз ничего удивительного. Он исчезает очень быстро. Через двадцать четыре часа после инъекции вы не найдете и следа.

– Вскрытие было сделано через шесть часов.

– В таком случае, небольшое количество стрептомицина могло быть обнаружено в моче – если, конечно, его искали.

– Вы имеете в виду?..

– Ведь это никакой не яд, и у патологоанатома нет причины делать на него тест. Вы говорите, что перед смертью она съела только кусочек торта и выпила глоток шампанского?

– И еще понюхала розы, – напомнил Генри.

Томпсон это проигнорировал.

– А торт и шампанское исследовали?

– Конечно. Ничего не нашли.

– Судя по тому, как внезапно наступила смерть, можно утверждать, что леди Балаклаве был сделан укол. Вы искали в доме стрептомицин? Может, кто из прислуги делал себе инъекции?

– Там не было слуг – только Долли...

– Она до сих пор там живет?

– Да. Леди Балаклава завещала ей этот дом и еще кучу денег в придачу. Теперь Долли остается выжить.

– Выжить? – Томпсон удивленно поднял брови.

– По странному стечению обстоятельств, Долли тоже чуть не отравилась.

– Действительно, странно!

– Еще как. – Генри вздрогнул. – Я ничего не могу понять. Но, по крайней мере, вы меня успокоили.

– Успокоил?

– Да, – хмыкнул Генри. – Видите ли, я начал уже верить в то, что существует неизвестный яд, который не оставляет следов. – Он встал, попрощался с доктором, но тот задержал его еще на минуту.

– Подождите, инспектор. Я ведь рассказал вам о побочных эффектах, которые может вызывать стрептомицин у конкретного индивидуума. Но это не значит, что то же самое произойдет с другим. Не много вы найдете убийц, которые воспользуются таким методом.

– Пока меня интересует только один убийца, – ответил Генри.

– Мы едем в Швейцарию, – заявил Генри жене, когда они вернулись домой.

Тиббетам повезло. Курортный сезон еще не был в полном разгаре, и они легко заказали билеты на вечерний паром, отправляющийся из Дувра. Утром они уже мчались в симпатичном автобусе по прямой, как стрела, дороге среди ровных полей южной Франции.

Ехали целый день, оставляя Париж далеко на западе, и, когда упали сумерки, взору предстал величественный пейзаж. Прямо перед ними лежало прекрасное Женевское озеро, в ярких синих водах которого отражались огни Лозанны.

Тиббеты остановились в отеле, расположенном на берегу. Из окон открывался чудесный вид.

На следующий день они нанесли визит Дювалям. Примроуз очень удивилась, увидев их, однако пригласила пройти в квартиру и сразу спросила, как чувствует себя Долли.

– Лучше, – сказал Генри. – Врачи говорят, что она выживет. – Примроуз пожала плечами.

– Здоровая кобыла. Никогда ничем не болела.

– А разрешите поинтересоваться, мадам Дюваль, разве вы не знали, что у Долли – дерматит?

– Какой странный вопрос, мистер Тиббет! У Долли – дерматит?!

– Вы знали?

– Конечно, нет. – Ее губы сжались в тонкую суровую линию.

– Но вы знали, что ваша мать болела туберкулезом?

– Откуда вам известно?

– Сначала ответьте. Вы знали?

– Да. Эдуард мне сказал под большим секретом. Но она давно вылечилась!

Генри не стал спорить.

– Когда последний раз ваша мать приезжала сюда?

– Лет десять назад. Весьма печальное событие.

– Печальное? Почему?

– Она поругалась с Эдуардом, не помню, из-за чего. И даже упала в обморок.

Генри сразу заинтересовался.

– Упала в обморок?

– О, я думаю, что она притворилась. Просто, чтобы положить конец ссоре.

– А ваш муж? Что подумал он?

Примроуз коротко рассмеялась.

– Эдуард согласился со мной, что это – типичные женские штучки. Он и меня в этом частенько обвиняет.

– Очень любопытно, мадам Дюваль. Вы не могли бы вспомнить, что ели в тот день?

– Вы с ума сошли! Вспомнить, что мы ели десять лет назад! Но знаете, зато я помню, что мы тогда пили.

– В самом деле?

– Да. С выпивки все и началось. Мы предпочитаем вино, конечно, а маме всегда нравился джин. Эдуард его терпеть не может и не держит дома. От вина мама отказалась, и тогда Эдуард предложил ей стакан сока. – Она посмотрела на Генри, явно встревоженная. – Почему вы меня спрашиваете?

– Я бы хотел также задать несколько вопросов вашему мужу.

– Но его нет дома!

– А когда он придет?

– Вы не поняли. Его нет в Швейцарии.

– Очевидно, конференция... – начала Эмми.

– Нет-нет. Он – в Париже, в институте иммунологии. Пытается найти деньги на свои проекты. Генри улыбнулся.

– Жаль. Теперь вы и сами можете его спонсировать.

– Никогда, – жестко произнесла Примроуз. – Я никогда не дам ему денег. – И на секунду закрыла глаза, будто от боли. – А теперь извините меня, но я попросила бы вас уйти. У меня скоро встреча с моим адвокатом.

– Понимаю. У вас, наверное, много хлопот с завещанием.

– О, да! Что ж, прощайте. Надеюсь, вам понравилось в Лозанне.

Рядом с домом была почта. Генри позвонил оттуда, найдя в телефонной книге имя доктора Дюваля. Ответил приятный женский голос.

– Мне нужен доктор Дюваль.

– Одну минуту. – И потом: – Извините, месье, но доктор – в отпуске... Нет, я не знаю, когда доктор Дюваль вернется... он, кажется, отдыхает в Испании. Если вы оставите свое имя, месье...

Генри повесил трубку.

Кондитерская Боне отличалась особым шиком. Здесь, в элегантно обставленных уютных залах, встречались дамочки, чтобы выпить кофе, посплетничать и насладиться изумительными пирожными. Генри и Эмми сели за столик, который только что освободили две дамы в собольих накидках и с крошечным пуделем в ошейнике, сверкающем бриллиантами.

Тиббеты уселись на расшитые золотом стулья и попросили пожилую официантку принести им по чашечке кофе.

– Так где же теперь доктор Дюваль? – спросила Эмми, повернувшись к мужу.

– Может, в Париже, – ответил Генри. – А что ты думаешь по этому поводу?

– Я сначала не поняла Примроуз. Она будто испугалась...

– Испугалась?

Эмми покачала головой.

– Нет, не испугалась. Может, разозлилась. Но не из-за нас. А когда она заговорила о своем муже, я вдруг поняла.

– Что ты поняла?

– Он ее бросил.

– Что?!

– Ты разве не догадался?

– Нет! Ничего такого ужасного мне и в голову не пришло.

– Думаешь, она знает, где он?

– Именно так я и думал. Но ты открыла мне глаза, поскольку я верю в женскую интуицию. –

Генри улыбнулся. – Особенно, если речь идет о женских делах. Значит, ты считаешь, что Эдуард дал деру от своей жены?

– Зачем ей понадобился адвокат?

– Имеешь в виду развод?

– Не представляю, чтобы Примроуз решилась на такой шаг. Более вероятно, что она желает еще надежнее защитить свои денежки от мужа. Бедный Эдуард...

– Это в каком смысле – «бедный Эдуард»?

– Хм-м... Ну, если он убил Кристал, то получается, что зря.

– Ты считаешь, он – убийца?

Подошла официантка и поставила перед ними две чашки кофе.

– У вас тут делают чудесные торты, – похвалил Генри.

– Наши торты известны во всем мире, – расцвела официантка.

– Я знаю. На прошлой неделе мы отведали ваш торт, в Англии.

– В Англии? Как интересно! Конечно, в старые времена у нас было много английских клиентов.

– Это был особенный торт, – продолжал Генри. – Юбилейный.
– Торт мадам Дюваль? Для ее матери госпожи княгини?
– Верно. – Генри не стал уточнять титул леди Балаклавы. – Вы делаете их каждый год, не правда ли?

– Да, действительно, месье. Наш хозяин очень гордится этим. В этот раз я сама упаковала торт и отнесла его к такси мадам Дюваль. Она спешила в аэропорт. Надеюсь, он понравился госпоже княгине?

Генри был избавлен от необходимости отвечать на столь неловкий вопрос – официантку позвали к другому столику.

– Итак, ты по-прежнему считаешь, что убийца – Эдуард Дюваль? – спросил Генри у своей жены. – И он отравил торт?

– Да, все сходится.

– Как раз ничего не сходится. Он не мог отравить торт.

– Понимаю. Ты имеешь в виду, что Эдуарда там даже не было.

– Именно. И, кроме того, если ему нужны были деньги, зачем он ждал десять лет?

– Все-таки, он – явный подозреваемый, – вздохнула Эмми.

– Пожалуй, слишком явный. Интересно, где он сейчас? О, кстати! Давай наведемся в институт иммунологии. А также я хотел бы поговорить с мистером Швахеймером. Дело в том, что ситуация Даффи становится все более интересной.

18

Они остановились в скромном отеле на Монмартре. Было уже восемь вечера. Генри и Эмми, уставшие после дороги, поужинали в ближайшем кафе, вернулись к себе в номер и легли спать.

Утром Эмми прогулялась немного по улице Риволи, а Генри посетил институт иммунологии.

Там, в небольшом офисе, роскошная брюнетка сообщила ему, что доктора Дюваля нет в Париже.

– Вы с ним буквально разминулись, месье.

– Он только что был здесь? – не понял Генри.

– Разве я так сказала, месье? Нет. Он возвращается в Швейцарию. Но он был здесь совсем недавно... дайте я посмотрю... да, неделю назад. Конференция? Какая конференция?

– Ведь доктор Дюваль был здесь на конференции, когда его срочно вызвали в Англию.

Брюнетка искренне удивилась.

– Нет, месье! У нас бывает только одна конференция в год. Здесь, в Париже, но только в феврале.

Следующий визит был к мистеру Швахеймеру в отель «Грильон». Тиббеты отправились туда вместе.

Администратор за стойкой посмотрел на Генри снисходительно и ответил, что бесполезно спрашивать мистера Швахеймера в это время дня. Наверняка мистер Швахеймер сейчас в офисе. Что касается миссис Швахеймер...

Он вздохнул, давая понять, что есть тайны, о которых в высшей степени неприлично расспрашивать. Но все же медленно поднял трубку черного телефона и пошептал туда что-то. Нет, сказал он, положив трубку, миссис Швахеймер нет в номере.

– Ты думаешь, что Даффи у себя? – спросила Эмми.

– Уверен.

Минут через десять в холл вошел стройный, черноволосый, очень красивый молодой человек. Что-то знакомое было в его лице.

Эмми наклонилась к мужу и шепнула:

– Это – Уоррен. Если не ошибаюсь, Даффи скоро будет здесь.

- Уже здесь. – Генри быстро встал. – Миссис Швахеймер! Рад вас видеть.
- Даффи долго, с застывшей улыбкой, смотрела на Генри. Затем вымолвила:
- Какой сюрприз!
- Даффи... – нетерпеливо произнес молодой человек.
- Разрешите представить – это Уоррен Швахеймер. А это – мистер Тиббет из Скотланд-

Ярда.

Уоррен побледнел.

– Мы с Эмми будем счастливы, если вы с нами пропустите по стаканчику, – сказал Генри.

Десять минут спустя они вчетвером сидели за столиком в кафе и пили аперитив.

– Не будем терять времени, – начал Генри. – Вы сами были не очень осторожны.

Даффи со злостью взглянула на Эмми.

– Если ты все рассказала...

– Я ничего никому не говорила.

– Ваш муж знает!

– Мой, но не ваш, – возразила Эмми.

Даффи вроде бы немного успокоилась и повернулась к Генри.

– Так что?

– Ваша личная жизнь никого не касается, конечно. Но у вас есть мотив.

– О чем это вы?

– Извините, если буду груб. Вы хотите бросить своего мужа и выйти замуж за его сына?

– Даффи... – начал Уоррен.

– Заткнись! – рявкнула Даффи. – Да, как только деньги будут в банке.

– Тогда – еще один вопрос. Когда вы узнали, что ваша мать больна туберкулезом?

– Не говорите ерунду! Мать всегда была здорова.

– Но Примроуз знала о болезни.

– Я не знала!

Уоррен выглядел все более несчастным и, наконец, не выдержал.

– Что происходит? Ради Бога, Даффи, в чем дело?

– Не имею понятия. Спроси у детектива.

– А шампанское? – продолжал Генри.

– Что – шампанское?

– Оно было хорошо закупорено?

– Конечно.

– Никто не мог его открыть?

– Не будьте идиотом. Попробуйте сами насыпать яд в бутылку шампанского.

Генри подумал секунду.

– А где сейчас Эдуард Дюваль?

Даффи изумленно подняла брови.

– Откуда я знаю? В Лозанне, наверное.

– Его там нет. Мы спрашивали у Примроуз.

Даффи была явно заинтригована.

– Вы имеете в виду, что он сбежал? Представляю! Развлекается с какой-нибудь толстушкой!

Генри встал.

– Благодарю за информацию. Мы вас прервали, но вы можете продолжать в том же духе.

Тиббеты вернулись в свой отель, и Генри сразу стал собираться.

– Куда теперь? – спросила Эмми.

– В Голландию.

- Отлично. А затем?
- Обрато в Англию – куда же еще?

19

Маленький отель в городке Альсмер был очень чистый и уютный. Плотнo позавтракав, Тиббеты отправились на цветочный аукцион.

Массивные здания из красного кирпича и прочие индустриальные постройки не впечатляли своим внешним видом. Но зато внутри зрелище было потрясающее. Все эти огромные ангары были буквально забиты цветами.

Среди буйства красок спокойно расхаживали мужчины в черных костюмах и внимательно разглядывали товар.

Генри и Эмми проводили в большой прохладный зал, где цветы аккуратно укладывали в специальные пористые коробки из пластика. Затем их отправляли в аэропорт, и они разлетались во все страны.

– Наши цветы вы можете увидеть во всем мире, – с гордостью заявил гид. – И они – всегда в отличном состоянии. Чтобы предохранить их от разных бактерий, цветы еще в теплице специально опрыскивают пенициллином или стрептомицином. Здесь поддерживается оптимальная температура...

– Стрептомицин! – зашипела Эмми в ухо своему мужу.

– Идем, – сказал Генри. – Надо разыскать Пита.

Охранник у ворот был очень любезен, но не смог ничем помочь. Ван дер Ховен? О, да, он был здесь, привез на продажу свои розы, но уже давно уехал. Без сомнения, он сейчас у себя в теплице, если вы хотите с ним поговорить...

Довольно просто Тиббеты нашли маленький аккуратный домик на зелененьком островке. Генри позвал дважды, и вот сам Пит вышел им навстречу.

– Мистер Тиббет! Миссис Эмми... Какой приятный сюрприз! Вы здесь в отпуске?

Они прошли в дом. Комнаты – крошечные, да и тех немного. Роскошь тут и не пахло.

– А где ваша жена? – спросил Генри.

– Вайолет? О, извините, ее нет дома. Звонил этот худенький старичок, который с нами обедал. Адвокат. Что-то насчет денег. Я ничего не понимаю. Вайолет срочно понадобилось уехать. Хотите кофе? – Пит исчез на кухне, продолжая говорить: – С этими деньгами нам одна морока. Мы с Вайолет – простые люди. Большие деньги – не для нас, и с ними розы лучше расти не будут. – Он вернулся из кухни, неся поднос с дымящимся кофейником и широкими.

Потягивая ароматный кофе, Генри спросил:

– Значит, вы не собираетесь бросать свой бизнес?

– Бросать? – Пит даже забыл про кофе. – Мои розы? Нет, конечно, нет! – И он рассмеялся, покачивая головой.

– В любом случае, деньги принадлежат вашей жене, не так ли?

– Да. Деньги – полностью ее. Мы заключили договор, когда женились, что наследство будет принадлежать ей. Но какая разница, чьи деньги? Мы – люди простые. Без амбиций, растим потихоньку наш садик и довольны своей жизнью.

– Этот пакет с инсектицидом, который вы оставили для Долли...

Честные голубые глаза вопросительно глянули на Генри.

– А что с ним? Это – ужасная вещь! Ужасная.

– Плохая?

– Нет-нет. Эффективная, но очень опасная.

– Вы используете такую вещь, хотя она очень опасная?

– Надо соблюдать меры предосторожности, – заметил Пит.

– И кроме этого, вы еще опрыскиваете цветы, чтобы они дольше сохранились?

– Конечно.

– Стрептомицином?

Пит, вроде бы, ничуть не удивился.

– Нет, я им не пользуюсь.

– И розы для леди Балаклары вы не опрыскивали?

– Я же сказал. – Пит допил кофе и закурил толстую короткую сигару. – А какая разница?

– Очень большая. Вы ведь знали, что леди Балаклава умрет, если понюхает стрептомицин.

– Знал... что? – Пит не был ни шокирован, ни возмущен. Он просто не понимал. – Может, я немного туповат, мистер Тиббет, но при чем тут стрептомицин и смерть моей бедной тещи?

Несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга. Затем Генри прервал молчание.

– Если вы не знаете, мистер ван дер Ховен, то мне незачем вам и говорить. Когда вернется Вайолет?

Пит пожал плечами.

– Она позвонит. Завтра или послезавтра. Послушайте. Раз вы здесь, то не хотите ли взглянуть на мои розы? Я буду счастлив показать вам мои теплицы.

Уже из отеля Генри позвонил Саре Мессингем.

– Конечно! – сказала она, выслушав его. – Это вполне могли быть розы!

– Как чувствует себя Долли? – спросил он.

Помолчав, Сара ответила:

– Не знаю. Доктор Гриффитс сейчас занимается ее здоровьем.

– Сделай мне одолжение, Сара. Присмотри за Долли. Не отходи от нее ни на шаг. Не пускай к ней посетителей, особенно родственников.

– Но как же я могу...

– Постарайся!

– Ладно, хотя мне это и не нравится...

– Ерунда, – перебил ее Генри. – Ты получаешь от всего этого истинное наслаждение.

Она звонко рассмеялась.

– Хорошо, постараюсь сделать все, что смогу.

– Ты – ангел, и я тебя обожаю. Ну, все, пока, Сара. От Эмми большой привет. – И Генри положил трубку.

Эмми удивленно посмотрела на мужа.

– Если честно, Генри, ты просто монстр.

– Вовсе нет, – парировал Генри. – Я – тонкий психолог и умею найти нужный подход.

– Психолог... подход... – буркнула Эмми. – Я нашла телефон, который тебе нужен: Каес ван дер Стин, Альсmeer, 817.

Господин ван дер Стин был удивлен, когда ему позвонил незнакомый англичанин, но не отказал в просьбе встретиться. А вдруг это – богатый клиент?

Окинув взглядом современный офис бизнесмена, Генри представился писателем, эдаким свободным художником. Мол, следующую свою книгу он хотел бы написать о розах.

Во время долгой беседы Генри упомянул об инсектицидах. Не опасны ли они? Ван дер Стин удивился.

– Опасны? Да что вы! Все ими сейчас пользуются. Если они опасны, то пусть нам об этом скажут наши ученые. А за что мы им, собственно, платим? Конечно, и стрептомицин – отличное средство. Ничто так не сохраняет розы. Я часто отправляю свои розы в Нью-Йорк, например, а это – двенадцать часов с момента заказа и до получения их клиентом... и в Северную Африку...

– Но не все пользуются стрептомицином, – перебил его Генри. – Я разговаривал с мистером ван дер Ховеном...

На лице ван дер Стина появилась кислая гримаса.

– Надеюсь, вы не зря потратили на него время, мистер Тиббет. Питу ван дер Ховену надо работать садовником у миллионера, а не заниматься бизнесом.

– У него – прекрасные розы, и он верит в то, что делает.

– Вы так считаете? – Ван дер Стин наклонился вперед. – Тогда я вам скажу! Потому что всего несколько дней назад Пит заходил ко мне одолжить немного стрептомицина.

– В самом деле?

– Да. Ему надо было отвезти в Англию розы, на день рождения, или что-то в этом роде.

– Значит, это Пит. Но почему? Почему? – начала Эмми, когда Тиббеты вернулись к себе в отель.

– Он очень любит свою жену, – задумчиво протянул Генри.

– Ты имеешь в виду – она его уговорила?

– Я и сам пока не знаю, что имею в виду.

– Но это – Пит?

– Да. Это, должно быть, он.

Раздался телефонный звонок.

– Генри? Слава Богу! Я не могу дозвониться вам целый день. Это – Сара.

– Что случилось, Сара?

– Долли выписывают завтра.

– Хорошие новости.

– Да? Вы не знаете всего. Мистер и миссис Дюваль сейчас в Англии. Они хотят забрать Долли.

– Господи! Когда ее выписывают из больницы?

– Завтра в девять утра. Что мне делать, Генри?

– Я должен ехать, дорогая, – сказал Генри. – А ты останешься.

– Мне это совсем не нравится. Теперь, когда тебе осталось только доказать, что Пит виновен...

– Подожди! – перебил ее Генри. – Ты подкинула мне идею.

– Я? – удивилась Эмми.

– Да. Все сходится! Почему я не видел этого раньше?

– Генри, что я такого сказала?

– Не обращай внимания. – Он сел и стал листать свою записную книжку. – Мне надо сделать три звонка.

Мистер ван дер Стин очень удивился.

– Какой странный вопрос, мистер Тиббет! Подождите-ка... дайте вспомнить... да, вы правы... так и было... Наверное, он был очень занят...

Даффи пробубнила скучным голосом:

– Опять вы? Боже мой... Нет-нет. Конечно, нет. Ни слова.

Сестра доктора Томпсона вежливо сказала:

– Мистер Тиббет! Какой приятный сюрприз... Что? Как вы это узнали? Да, все верно... Рассказ моего брата взволновал меня... Надеюсь, ничего страшного?

Генри повернулся к жене и произнес:

– А теперь, я думаю, пора заказывать билеты. Мы едем в Англию. Вдвоем.

На повороте к вилле «След лисы» машина Тиббетов чуть не врезалась в красный «три-умф». Генри резко затормозил.

– Добро пожаловать! – Сара помахала рукой, высунувшись в окно.

– Как дела? – спросил Генри.

– Я... я не знаю. Где мы можем поговорить?

– С Долли все в порядке? – завокнулся Генри.

Сара ответила как-то неуверенно:

– Вроде да.

– Ладно, езжай в сторону Пламли-Грин и остановись где-нибудь на опушке. Мы – за тобой.

Через несколько минут они втроем сидели на зеленой траве под деревом, и Сара рассказывала уже подробно

– Они были очень милы. Забрали Долли, и сейчас она у них в доме. Я объяснила, что ухаживала за ней и хотела бы знать, не нужна ли моя помощь. Все это, кажется, прозвучало не очень убедительно, но они проглотили. Мадам Дюваль пригласила меня в дом и угостила чашкой кофе.

– Примроуз? Сама?

– Своими собственными прекрасными ручками.

– Нет. Я имею в виду – ты уверена, что это была именно Примроуз? Ты узнала ее?

– Конечно.

– О, Боже! – воскликнул Генри. – Значит, я ошибся! А где сейчас Долли? В своей комнате?

– Нет, в другой. И странное дело – вся комната черная.

– Это – наша, – сказала Эмми. – Мрачновато?

– Шторы были завешены, стены черные – как в могиле. Долли лежала на кровати и спала... Я не знаю. Неудобно было в их присутствии проводить клинические исследования. Доктор Дюваль прошептал, что лучше ее не беспокоить, и мы на цыпочках вышли. Я еще посидела немного и затем уехала.

– Сара, ты ведь видела до этого мадам Дюваль? – спросил Генри.

– Мельком, в коридоре, в тот день, когда умерла леди Балаклава.

– Мельком? Господи! А может, я и не ошибся? Скажи, Сара, как выглядит мадам Дюваль?

Сара удивилась.

– Но вы же знаете...

– Просто опиши мне ее.

– Что ж... Лет тридцать, стройная брюнетка...

– Вайолет! – воскликнула Эмми.

– Именно, – взволнованно проговорил Генри. – Эта женщина в доме – не мадам Дюваль. Это – Вайолет. Я еще вчера так подумал.

– Но... – начала Эмми.

– Сейчас нет времени объяснять. Сара, тебе надо немедленно скрыться. Мчись в полицейский участок. Найдешь там инспектора Сэндпорта, помнишь его? Отдай ему мою записку. И не высовывай носа, пока я не приеду. Ни на секунду не оставайся одна.

– Честно сказать, все это немного мелодраматично, – заявила Сара. – Еще несколько минут назад я была у них в доме, и со мной ничего не случилось.

– Несколько минут назад ты не была угрозой для убийцы. Но очень скоро он поймет, как ты действительно опасна для него. Поторопись!

– А вы что будете делать?

– Мы едем на виллу, чтобы предотвратить убийство. Верно, милый? – ответила Эмми, коротко взглянув на Генри.

– Абсолютно.

21

Сад рядом с виллой выглядел еще более таинственным, чем раньше, неделю назад. Фонтан-саксофон бормотал свою мелодию, выбрасывая лениво струйку воды, которая сбегала в мелкий бассейн.

Азалии, вместе с другими рододендронами, выступали мощно – в пурпурном, золотом и алом нарядах. Черноволосая стройная женщина срезала розы и аккуратно складывала их в корзинку.

Вайолет, – а это была она, – выпрямилась, услышав, как подъехала машина, и повернулась.

– Мистер и миссис Тиббет! – воскликнула она и широко улыбнулась. – Вот не ожидали!

– Очень рад вас видеть, миссис ван дер Ховен. – Генри пожал протянутую руку. – И мадам Дюваль тоже здесь?

– Нет. Примроуз – в Швейцарии. А меня вызвал сюда адвокат. Что касается Эдуарда, то у него – конференция в Лондоне, и мы решили забрать Долли из больницы. Эдуард улетает во вторник, но я пока останусь. Входите же!

– Да, мы зайдем. Я думаю, нам надо кое о чем поговорить, – нахмурился Генри.

– А я хочу отнести эти розы в комнату Долли, – проворковала Вайолет. – Бедняжка так любит розы!

Из гостиной вышел Эдуард Дюваль.

– Ага! Вы раскрыли наш секрет? – Он засмеялся. – Я видел из окна, как вы подъехали. Вайолет уже объяснила вам, в чем дело?

– Да, конечно, Эдуард, – сказала Вайолет. – Я сообщила им и о твоей конференции, и о моей встрече с адвокатом. Чтобы про нас не думали, будто мы с тобой такая сладкая парочка.

– Ну, ладно. Проходите. Да, между прочим, – добавил Дюваль, – звонила доктор Мессингем.

– Действительно? Что она хотела?

– Попрощаться! Кажется, она куда-то уезжает.

– Странно, – протянула Вайолет. – Она ничего не говорила нам об этом, когда была здесь всего минуту назад. Что вы будете пить, миссис Тиббет? Джин? Шерри?

Эмми отрицательно покачала головой, а Генри твердо произнес:

– Я должен сразу заявить, что это – не дружеский визит. Мне надо допросить Долли.

– Допросить Долли? – прошептала Вайолет.

– Да. Мы отвезем ее в полицейский участок.

– Она слишком больна, – заметил Дюваль. – Ее нельзя сейчас арестовывать.

– Я не собираюсь ее арестовывать. Пока. И может, мы сядем? Мне надо кое-что объяснить. – Генри закурил. – Это – длинная история. Она началась еще в школьные годы леди Балаклавы. У Кристал были две лучшие подруги – Долли Трип и Элизабет Томпсон.

– Кто? – переспросила Вайолет.

– Доктор Дюваль знает, не так ли?

Эдуард ответил бесстрастным тоном:

– Я знал ее когда-то.

– Затем подружкам стало известно, что Кристал больна туберкулезом, – продолжал Генри. – И вам, конечно.

– Не буду отрицать, инспектор. Я знал о болезни леди Балаклавы. Для Вайолет это, конечно, полная неожиданность. – Она кивнула, а Дюваль продолжил: – Но случилось чудо – Кристал выздоровела. Возможно, ей помог стрептомицин, который я привозил по просьбе доктора Томпсона. Так я и познакомился с Элизабет.

– А затем? – спросил Генри.

– Затем – что? Ничего! Мы с Примроуз поженились, а Томпсоны потихоньку исчезли из нашей жизни. Я думаю, инспектор, что теперь вы можете продолжить свою историю.

– У Кристал появилась аллергия на стрептомицин. Вы знаете, что это бывает не сразу. С некоторых пор даже небольшая доза стала для нее смертельной.

Эдуард Дюваль сильно побледнел.

– В самом деле... – Он потер подбородок. – Такие вещи случаются...

– А теперь перейдем к главному, – продолжал Генри. – К завещанию леди Балаклавы. На ее наследство претендовали четверо. Это миссис Швахеймер – она и без того миллионерша. Далее идет мадам Дюваль, тоже весьма богатая женщина, не так ли, доктор?

Эдуард Дюваль хмыкнул:

– Конечно!

– И затем – миссис ван дер Ховен. Однако ясно, что разные экстравагантности – это не ее стиль.

Вайолет низко опустила голову.

– Мужей мы исключаем из числа подозреваемых, поскольку все предусмотрено, чтобы деньги им не достались. Дочери жили прекрасно. Мысль, что одна из них могла убить леди Балаклаву, отбросим сразу.

Вайолет подняла глаза, а Эдуард откинулся в кресле и закурил сигару.

– И что? – спросил он.

– Но у нас остался еще четвертый претендент – это мисс Трип. В отличие от других, она все время находилась рядом с леди Балаклавой, день за днем. Она сносила все ее капризы. Была при ней чем-то средним между любимой собакой и слугой. Жила в неудобной тесной каморке и делала всю работу по дому, не получая даже благодарности. Она терпела все это и не жаловалась, полагая, что у нее нет выбора. Без денег и без наследства, как она думала. – Генри помолчал. – Пока не узнала... о наследстве.

– Вы думаете, что она узнала?

– Я уверен.

– Как ей это удалось?

– С помощью Гриффитса.

– А это еще кто такой?

– Молодой врач леди Балаклавы. Ему помогла его красота. Ручаюсь, что Долли выболтала ему о туберкулезе, а Кристал рассказала о завещании. Гриффитс кое-что смекнул. Он видел, что леди Балаклава, тверда как камень, а Долли, когда получит наследство, будет легко уговорить, ибо она хоть с виду и сурова, но, вообще-то, добрая душа.

– Если все это правда, значит, вы должны арестовать Гриффитса, а не бедняжку Долли.

Генри покачал головой.

– Подозрения – это одно, а факты – совсем другое. Гриффитс рассказал Долли о завещании и уговорил ее убить леди Балаклаву. Но сам он не совершал преступления. А вот мисс Трип...

– Долли упала в обморок, когда узнала про наследство! – заявила вдруг Вайолет, молчавшая до сих пор.

Генри посмотрел на Эдуарда Дюваля и удивленно поднял брови.

– Она притворилась, что упала в обморок. Не так ли, доктор?

Эдуард Дюваль засомневался.

– Она была в шоке. Понятно, при подобных обстоятельствах. Я не хотел говорить...

– Вы имеете в виду, что знали все это время? Она притворялась?

Дюваль вздохнул.

– Это вы сказали, инспектор. Не я. Но...

– Сейчас ее болезнь непритворная, – резко перебила его Вайолет.

– Нет, миссис ван дер Ховен, – произнес Генри. – Ее болезнь – результат действия инсектицида, который привезли вы.

– О, нет!
– Долли сама его себе подложила, чтобы избежать дальнейших расспросов.
– Она чуть не убила сама себя!
– Да, – кивнул Генри. – И теперь я должен отвезти ее сначала в больницу, а потом допросить.

Дюваль встал.

– Я – против.
– А я требую!
– Мне надо было сразу сознаться, – вздохнул Дюваль.
– О чем вы говорите? – резко спросил Генри.
– Этим утром Долли пыталась покончить с собой.
– Но она не умерла?
– Нет. Я все сделал, чтобы ее спасти. Она приняла большую дозу снотворного. Естественно, она и сейчас спит. Вы можете убедиться сами. Она не в состоянии отвечать на ваши вопросы.

– Я хотел бы на нее взглянуть, – попросил Генри.

Они вышли из гостиной, и Эдуард вдруг воскликнул:

– Сегодня же суббота!

– Суббота? – тихо повторила Вайолет.

– Да, надо купить продукты на завтра. Возьми мою машину и съезди в магазин. Заодно можешь попрощаться с мисс Мессингем, если она еще не уехала.

– Да, Эдуард. – Вайолет повернулась и вышла из дома.

Остальные поднялись по лестнице, и доктор Дюваль, чуть посомневавшись, открыл дверь Черной комнаты.

Сара точно сказала – тут было темно, как в могиле. На кровати, между двумя черными простынями, лежавшая Долли походила на мумию. Однако Генри видел, что она тяжело дышит. Подойдя ближе, он взял ее руку. Она была холодная, как лед.

– Бедная женщина! Теперь мне все понятно. Но вы говорили, что она вне опасности, – громко проговорил Генри.

Долли не пошевелилась, а Эдуард Дюваль пожал плечами.

– Кто может поручиться? Ее силы подорваны болезнью.

– А если она умрет, не будете ли вы в ответе?

Дюваль улыбнулся.

– Мой дорогой сэр, я сделал все, чтобы ее спасти.

– Абсолютно все?

– Конечно.

Во дворе раздался шум подъехавшей машины. Генри подошел к окну, раздвинул шторы, затем повернулся к присутствующим:

– Во всяком случае, доктор Дюваль, вам больше не надо беспокоиться о Долли.

– Что это значит, инспектор?

– Приехала «Скорая помощь». Это я ее вызвал еще раньше. Так что, сейчас Долли увезут в больницу, а потом – на допрос.

– Решительно не могу этого позволить, – воспротивился Дюваль.

Снизу позвонили в дверь. Генри спокойно стоял и смотрел на Дюваля.

– Эмми, дорогая, – обратился он к жене, – иди, открой.

Эмми выскользнула из комнаты, а Дюваль снова улыбнулся.

– Ладно, сдаюсь, инспектор. Я должен сделать письменное заявление.

– Заявление?

– И вы подпишите, что берете ответственность за моего пациента на себя.

– С удовольствием!

– А также я сделаю Долли успокоительный укол. Нет возражений?

– Абсолютно. Вы полностью экипированы, я вижу?

– Экипирован? Нет. Так, кое-что на экстренный случай... – Дюваль достал шприц. – Если вы позволите, инспектор...

На лестнице послышались шаги. Эдуард Дюваль приблизился к постели, держа шприц наготове.

– Нет! – крикнул Генри.

– Простите?

– Я сказал – нет!

В дверь постучали.

– Они не смогут войти, инспектор, пока я не сделаю укол. Дверь захлопывается, и ее можно открыть только изнутри, вы забыли?

– Ломайте! – заорал Генри и бросился на Дюваля.

Странно, однако тот не сопротивлялся, а сразу упал на спину и потянул Генри за собой. Только тогда стал ясен смысл этого маневра. Дюваль пытался воткнуть в Генри шприц, предназначенный для Долли.

В дверь по-прежнему громко стучали, а Дюваль, поймав правую руку Генри, размахивал шприцем.

Генри ударил его коленом. Но игла была все ближе. Как жало змеи. Еще один миллиметр, и она воткнется в запястье. И тогда...

Окно за спиной Дюваля разлетелось вдребезги, здоровенный мужчина ввалился в комнату и крепко схватил его. Второй влез в окно, и третий... Дюваль нажимал на шприц, но жидкость из иглы брызгала во все стороны и на ковер.

Генри потер запястье. Он не мог избавиться от ощущения, что шприц все-таки вонзился в кожу. Затем он встал и открыл дверь. Эмми, которая до сих пор садила в нее кулаком, отвлекая внимание от атаки через окно, со всей силы заехала ему прямо в нос и только затем упала в его объятия.

22

Два дня спустя они собрались в комнате у Долли, но не в Черной, а в большой и светлой, которую занимала раньше чета Швахеймеров. Долли выглядела удивительно бодрой и счастливой. Генри и Эмми сидели с одной стороны кровати, а доктор Сара Мессингем и Тони Гриффитс – с другой. И каждый держал в руке по бокалу шампанского.

– За ваше здоровье, мисс Трип, – улыбнулся Генри, – за полное и скорейшее выздоровление.

– Если бы не Генри... – начала Сара.

– А если бы не ты и Эмми, – в тон ей продолжил Тиббет, – никто бы не узнал вообще про эту историю.

– Кстати, что все-таки здесь случилось? – спросил Тони Гриффитс. – Как вы узнали, кто убийца?

– Да, тут есть еще пробелы. Но, может, Долли их заполнит?

– Я? Почему я?

– Во-первых, как и когда вы узнали про Вайолет и Эдуарда?

Долли покраснела.

– Это – правда. В прошлом году, на дне рождения Кристал. Вся семья собралась, как обычно. Вайолет и Эдуард гуляли в саду, а я случайно подслушала их разговор. Сразу было понятно, – Долли хмыкнула, – понятно, что они – любовники.

– Да, – кивнул Генри. – Вайолет было скучно с Питом, и ее не устраивала провинциальная жизнь с ним. Примроуз – холодная, как рыба, а Эдуард – очень страстный мужчина, к тому же он понял, что жена не даст ему денег, ни пенни из наследства он не получит. Тогда он стал приглядываться к другим наследницам – и нашел Вайолет. Она влюбилась в него по

уши и отдала бы ему все свое состояние. Мужу не дала бы, а любовнику – с радостью. Вот только леди Балаклава и не собиралась на тот свет.

– Это его точные слова, – вставила Долли.

– И тогда вы кое-что предприняли? – Генри ухмыльнулся. – Вы хорошо знали Кристал. Она бы не поверила вам, но поверила покойному мужу. Тогда вы и заинтересовали ее спиритическими сеансами. Но почему вы отрицали это?

– Я до смерти испугалась. Он бы и меня убил.

– Вы совершенно правы, – мрачно проговорил Генри. – Итак, вы предупредили Кристал, а она вызвала меня. И я ничего не мог сделать.

– Никто бы ничего не сделал, – вступилась Сара. – Это было идеальное убийство. Чудо, что вы его раскрыли.

– Кристал это не поможет. Дюваль и Вайолет все тщательно продумали. Впрочем, сознавала ли Вайолет, на какое преступление она идет? Вы знаете, что с ней случилось, да? Ее машина перевернулась на повороте.

– Мгновенная смерть. Нарочно?

– Может быть. А может, она была в таком состоянии, что не заметила поворот.

– А почему Дюваль все-таки приехал на день рождения, если все сделала Вайолет? – спросила Эмми.

– Примроуз позвонила ему, он узнал, что мы здесь, и испугался. Не все шло по намеченному плану. Долли был известен секрет Кристал. И была еще одна подруга – Элизабет Томпсон. Если помозговать... Он решил на время устранить Долли. Однако снова использовал Вайолет, которая подсыпала порошок в постель. В результате, Долли стало плохо, она уже не могла ничего сказать, ее забрали в больницу. Ничего подозрительного. Следствие вроде закончилось, и мы с Эмми уехали в Лондон.

Осталась еще Элизабет Томпсон. После нашей встречи с доктором Томпсоном она написала письмо своему старому другу, Дювалю, и он узнал, что я по-прежнему иду по следу. Тогда участь Долли была решена.

– А как ты узнал, что это был не Пит? – спросила Эмми.

– Ты слышала, я звонил этому цветоводу? Ван дер Стин припомнил, что за стрептомицином приходил не Пит. На самом деле, стрептомицин брала Вайолет. И представляете, что со мной было, когда я узнал, что она и Дюваль снова в Пламли-Грин и «ухаживают» за Долли! Чтобы ее спасти, мне пришлось быстро изобретать историю с арестом Долли, а также я использовал весьма произвольно ваше имя, Гриффитс, извините меня. Все это было так прозрачно, но Дюваль клюнул.

– Почему? – спросил Гриффитс.

– Я дал ему шанс. Передозировка. Отличная версия. Он сразу согласился. И я подкинул ему идею, что Долли только притворилась, будто упала в обморок...

– Наглая ложь, – заметила Долли.

– Конечно. Но Дюваль попался на этот крючок. Самоубийство! И все, кажется ему, разыграно, как по нотам. Будь он проницательнее, заметил бы подвох. Но нет. Вайолет должна была быстрее уехать. Она мешала. В шприце была такая огромная доза снотворного, что усыпила бы навеки. Мне просто повезло. И никто бы не поверил, что он – убийца. Без свидетельства Долли и после «естественной смерти» Кристал... вы сами понимаете. Поэтому я спровоцировал его на насильственные действия – чтобы он выдал себя. И чтобы спасти Долли, конечно.

– Ваши приоритеты меня шокируют, – усмехнулась Долли. – Ну, ладно, ребята. Поехали. А ты, красавчик Гриффитс, убери свои лапы от Сары и займись шампанским. Откупоривай следующую. Да еще пару бутылок неплохо бы поставить в ведро со льдом. ■

*Перевод с английского Геннадия Доновского.
Иллюстрации Льва Рябинина*

